

КАРИНА
ДЕМИНА

КИЦХЕН
ГОТОВИТСЯ
К ВОЙНЕ

Кицхен и другие

Карина Демина

Кицхен готовится к войне

«автор»

2026

Демина К.

Кицхен готовится к войне / К. Демина — «автор»,
2026 — (Кицхен и другие)

Кицхен дэр Каэр по жизни не повезло. С одной стороны угораздило родиться девицей. С другой – с даром некроманта. А всё почему? Потому что папенька, видите ли, фею разозлил. Сын ему нужен был. Наследник. Сыновей у него теперь четверо. Только способности родовые достались дочери. А с ними – и своеобразный характер. Ну и почётное право послужить Короне где-то там, в Приграничье. Заодно за братьями присмотрит, чтоб не натворили чего.

© Демина К., 2026

© автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Карина Демина

Кицхен готовится к войне

Глава 1

О важности соблюдения закона

*В раю голова не болит и не воняет!
О некоторых преимуществах загробной жизни*

Киллиана я нашла на стене, на той её части, которая медленно осыпалась в ров. Правда, раньше. Сейчас со дна рва поднимались тонкие потоки, которые втекали в трещины и застыли блестящими каменными латками. Причём сел братец спиной и ко рву, и к пропасти, опершись на полуразвалившийся зубец. Ноги скрестил, положил меж колен доску и на ней писал.

– Матушкам? – сказала я.

– Ага, – он протянул лист. – Если хочешь.

Конечно, хочу.

Надо же знать, чего он там понаписывал. Нет, я в братца верю, но...

Дорогие матушки. Счастлив сообщить вам, что у нас всё хорошо и даже замечательно. Вчера к вечеру мы всё же добрались до крепости. Дорога была спокойна, хотя Карл выражал некоторое недовольство транспортом, которому, по его мнению, несколько не хватало изящества. А ещё нам встретились заблудившиеся солдаты, которых мы проводили обратно к крепости.

Да, да, видела я этих проведенных, с лопатами и метлами, правда, не очень поняла, что они собираются копать на каменном плацу, но спрашивать не рискнула.

Уж больно у сопровождавшего офицера вид был мрачный.

Здесь нас встретили с почётом и даже выделили для проживания и иных нужд отдельную башню. Так что мне не придётся спать в одной комнате с Кицхеном, чему я рад. Он храпит.

– Я не храплю! – возмутилась я.

– Храпишь. Ты просто не слышишь.

Карл тоже рад, хотя немного и опечален. Наши апартаменты всё-таки несколько отличаются от привычных ему. Он занял сразу три комнаты, решив, что в одной будет гардеробная, а в другой разместил свои журналы, ткани и кукол. Почему-то солдаты, которые помогали ему с разгрузкой, решили, что эти куклы – воплощенные образы его врагов.

Не почему-то, а по кому-то. Есть тут у нас один любитель рассказывать, переврав. Причём я сама слышала, как этот мелкий поганец в красках описывал, как Карлуша втыкает в куклу булавки. И та орёт нечеловеческим голосом.

Нет, главное, булавки братец втыкал. Что-то он там раскроил не так, вот булавками и пытался подогнать образец сюртука, но кукла точно не орала.

И что он проводит вечера, придумывая каждому из них отдельное мучительное проклятье. К слову, Карл очень просил всё-таки выслать его швейную машинку, которую из-за душевных переживаний забыл дома, но упаковать её получше. И ещё очень надеется получить новый альбом с образцами тканей. Он его выписал, но забрать не успел.

Зато понятно, почему при появлении Карла становится настолько тихо и безлюдно. Радует, что сам братец слишком задумчив, чтобы замечать эту тишину.

Правда, сейчас я сомневаюсь, сможет ли он уделять прежнее внимание своим увлечениям, поскольку волей короля и коменданта его назначили лейтенантом над пятью десятками бойцов.

Я поморщилась.

Если бы только Карла.

Почему-то комендант решил, что мы с Карлушей совсем даже не заняты, в отличие от прочих. А значит можем заняться приведением личного состава в должный вид. Так и выразился. И глянул мрачно-мрачно. Мне лично в этом взгляде виделась угроза, что вызывало уважение. И опасения. Это ж надо было так человека допечь, чтоб он некроманту угрожать начал.

Пусть и взглядом.

Не сомневаюсь, что у них получится.

А я вот сомневаюсь.

Ладно бы, нужно было там изничтожить тварь какую. Или ещё чего, но люди... я никогда не работала с людьми. То есть с нормальными, обычными, которые не пытаются превратиться в упыря, обрасти шерстью или выдрать горло.

Некроманты, они как-то обычно наособицу держатся.

И в принципе...

А главное, не понятно, что именно с этими людьми делать надо. То есть какой именно вид здесь можно считать должным. И как к нему приводить, чтобы в процессе все остались живыми. Весь день об этом думала.

Даже устав открыла.

И закрыла, после третьей строчки поняв, что этакое мозголомное чтение не для меня. Это только Киньяр способен осилить.

Также мы получили известие о скором прибытии ревизора, которое привело коменданта и прочих офицеров в некоторое возбуждение.

Мягко говоря.

Комендант-то сдержался, а вот некоторые иные личности высказались от души и без цензуры. А вот тэр Трувор лишь вздохнул тяжело, окинул взглядом пустой запылённый зал и сказал:

– А что, собственно говоря, это меняет?

Тогда все задумались и, оглядевшись, согласились, что в принципе приезд этого самого ревизора и вправду глобально ничего не меняет. Разве что чинить крепость надо быстрее, да и остальные завалы разгрести, на потом не откладывая.

Чем я и решила заняться. А потому уточнила:

– Килли, а тебе тут ещё долго?

– Часа два-три. Потом отдых и продолжу. А что?

– А прерваться можешь? Мне на кладбище бы надо. А если в объезд, то долго выйдет. Если вообще выйдет. Вот. А мальчишка сказал, что был проход, в смысле, в крепости. И показал даже, но его слегка засыпало. Не мальчишку, проход. Откроешь?

– Ага, – Килли кивнул. – Сейчас. Я тут скоренько закончу. А ты допиши что-нибудь.

Что?

Вот что мне дописать?

Я почесала за ухом, но Киллиан ждал. Понятно, пока я не напишу этого вот самого «чего-нибудь», он с места не сдвинется. Шантажист несчастный. А главное, писать надо аккуратно, чтобы матушек не беспокоить.

Мы здоровы. Всё хорошо. Башня в нашем распоряжении. Килли её почти починил. Комнатушки тесные, но наверху есть помещения, годные для лаборатории. Оборудования, конечно, маловато, но основу я захватил. Остальное буду выписывать по мере необходимости. Килли чинит стены. Киньяр наводит порядок на складах. Хотя там пустота, только пыль подмести. Но тут, насколько я видел, у него найдутся помощники, пусть и не совсем добровольные.

Нет, по-моему и честно, и вполне позитивно.

Скотина занял какой-то амбар, потому что в конюшне устроили казарму. Но в крепости хватает пустых помещений, он и выбрал себе по нраву. Он единственный конь в крепости и, кажется, решил, что так и должно быть. Держится по-хозяйски, но пока никому ничего не сломал. Овса хватает. Однако натуру овсом не обманешь, и ночью Скотина спёр носки. Один сожрал, второй спрятал. Носок явно мужской, суровый, с начёсом. На всякий случай я обратил его в прах, чтобы не обвинили в воровстве. Скотине сделал внушение.

Передайте тэру Туару нашу огромную благодарность. Лютик произвёл впечатление, особенно сегодня, когда выложил на кухне дюжину свежепойманных крыс. Крысы местные, жирные, но повар не оценил. И на обед опять был пустой овёс. Я разрешил Лютику крысами не делиться. Но одну он всё-таки потащил в башню. Думаю, хочет обрадовать Карла. Жду реакции.

– А куда засунул? – поинтересовался Килли, который заглядывал мне через плечо и письмо читал с интересом.

– В треуголку.

Отрицать, что следила за свином, я не стала. Ну а крыса... крыса – не так и велика.

Офицеры, узнав про подвиги Лютика, выразили дружное сожаление, что в крепости не водятся зайцы. Было решено выпустить Лютика в горы, если продовольствие всё же задержат. В горах зайцы точно водятся.

Я выдохнула.

Вроде и по делу. И так, что матушки взволноваться не должны бы.

Новое назначение меня смущает. Честно говоря, я опасаясь работать с живыми людьми. У меня, если помните, с ними постоянно возникало некоторое недопонимание. Поэтому после долгих раздумий я решил делегировать полномочия кому-то более компетентному. И в принципе собираюсь вплотную заняться решением кадрового вопроса. Хотя и имею некоторые сомнения относительно реакции сослуживцев.

Главное, не забыть лопаты.

– Видишь, – Киллиан забрал у меня лист и подул, хотя эти чернила схватывались мгновенно, но привычка осталась. – Один пойдёшь?

– Кин продукты ждёт, а Карл кладбищ не любит. Скотину вот возьму. И Лютика.

А то ведь неплохая идея. Крысы, конечно, не вариант, но овес с зайчатинной однозначно зайдёт лучше, чем пустой.

– А я тебе говорю, мил человек, знатный овёс! Во! Поглянь! Не овёс – чистый сахар! – звонкий голос возницы разносился по двору, привлекая совершенно ненужное внимание.

Ну и нужное тоже.

Главное, слух Трувора зацепился за одно слово.

Овёс?

– Да любая скотина сожрет такой и добавки попросит!

Градоправитель издевается?

Или этак тонко мстит?

Трувор прибавил шаг, осознав, что про овёс слышал не только он. И ведь люди надеялись. Люди даже верили. Пусть не в коменданта, но в шанс на нормальный ужин. И подвода, которую дозорный заприметил давно уж, внушила определенный оптимизм.

А они опять овёс.

– Стоять! – рявкнул Трувор на всякий случай, поскольку народу в малом дворе собралось прилично. И как-то этот самый народ, которому бы заниматься делом, если не полезным, то хоть каким-нибудь, хмурился недружелюбно. На иных лицах и вовсе была написана готовность перейти к действию.

Перевести, так сказать, мысль в материю.

– Что тут происходит? – Трувор надеялся, что прозвучало внушительно.

– Так это! Во! Провиант привезли! – возчик стянул с головы шапку, а из неё уже мятую бумаженцию вытянул. – Из городу! Как велено!

– Овёс? – уточнил Трувор, пытаясь осознать размеры грядущей катастрофы.

– Самонаилучший! – заверили его.

– И везде овёс?

Точно градоправитель издевается.

Или всё-таки мстит?

– Ты за старшего? – бумажку Трувор принял, огляделся и протянул Каэру, который крутился поблизости.

– Так... ну... таки везу я, ваша милость! – возница развёл руками. – Велено... как велено.

– Хорошо.

Злиться на исполнителя смысла нет, он и вправду приказ выполняет.

– А кто отвечает за передачу груза? – бодро уточнил Каэр.

– Так... это... ну... – возчик нервно оглянулся. – Там... того. Этого. Вот.

И рукой махнул.

– Господин Окден, – сказал он. – Там... но... он как бы... того... сказал, что на мосту подождёт. Что, как выгрузимся, так и ехать. Ну, чтоб к нему, значит. Он и подпишет, чего надобно. Так это, куда выгружать-то?

– Никуда, – Киньяр дэр Каэр оглянулся. Но явно не нашёл, кого искал, и растерянно поглядел на Трувора. – А вы не могли бы со мной сходить? А то я один...

Совсем один.

– Стесняюсь, – закончил он.

– Идём, – Трувор подавил приступ раздражения. В конце концов, мальчишка ни в чём не виноват, да и вправду с талантами Каэров лучше быть рядом.

На всякий случай.

– Так хороший овёс! Хороший же! Самый наилучший! – возница мямлил шапку, явно нервничая. – Лучшего во всём королевстве не найти!

Овёс, возможно, и вправду был отменным.

Вот только овса в крепости и без того хватало.

– Ждать, – рявкнул Трувор и, оглядевшись, добавил уже не столько для возницы, сколько для остальных. – Никого не выпускать.

Ещё раз огляделся и на всякий случай уточнил.

– Огненными шарами не бросаться. И в принципе.

А то мало ли.

Пятеро.

Толстяк на невысоком пузатом коньке. И четвёрка охраны, которую приставили, верно, для душевного спокойствия, потому как на Трувора охрана впечатления не произвела.

Главное, на мост они ступить не решились, держались в почтительном отдалении. И в позах, и во взглядах чувствовалась такая вот готовность немедля отбыть прочь.

А мост изменился.

Изрядно так изменился. Трувор и шаг замедлил, разглядывая.

Ровная поверхность. Гладкая. Точно не камень, а ковёр, под каменную кладку расписанный. Трещины заросли, вмятины затянулись. Слева и справа лозы легли каменные, завитками. Этакая ограда больше какому-нибудь замку подошла бы, королевскому там или на худой конец герцогскому, а тут вот...

Как вот?

Правда, вонь, поднимающаяся из рва, несколько общую благодать портила, но это ж мелочи.

– Килли любит, чтобы красиво было, – сказал Киньяр, словно извиняясь. – Он, конечно, может, как раньше вернуть, но тогда опечалится. А когда он печалится, то начинает страдать.

– И?

– И стихи пишет, – произнёс Каэр так, будто это что-то да объясняло. – И когда влюбляется, то тоже пишет. Даже не сказать, когда оно страшнее.

Стихами Трувора пока ещё не пугали. А Каэр, тяжело вздохнув, продолжил.

– Ладно, если бы он просто писал. Он же потом ходит и читает всем. С выражением... – парня даже передёрнуло.

– А... уйти?

– Карл как-то отказался слушать. Так Килли вокруг каменную стену вырастил. И читал ему стихи. Три часа кряду.

А вот теперь звучало действительно страшно.

– А я вот петь люблю, – мечтательно произнёс Киньяр дэр Каэр, и от этого признания по спине потянуло холодком. – Но под настроение если.

– Доброго дня, – произнёс Трувор, выбравшись на дорогу, которая казалась таким себе логичным продолжением моста. Что ж, если этот парень и вправду такой силы, то стихи... со стихами надо будет что-то придумать. Например, отправлять провинившихся не в карцер, а в помощь Каэру.

Пусть паренек им свои стихи читает. Песни поёт. Да что угодно, главное, чтоб без прямого членовредительства. И чем больше Трувор думал, тем более здоровой выглядела идея. А что? И Каэрам подарок. И, глядишь, дисциплина подтянется. А то карцер давно уже никого не пугает.

– Господа, могу я узнать, почему нам привезли овёс? – поинтересовался Трувор настолько дружелюбно, насколько это позволяли нервы.

А этого типа он знает.

В лицо.

Секретарь градоправителя. Правда, обычно в тени держался, стараясь не привлекать внимания, а теперь вот выпрямился в седле, пытаясь казаться большим и важным, грудь выпятил и бумагу, стало быть, протягивает.

– Согласно седьмому подпункту пятого пункта договора о поставках, заключённого от третьего числа девятого месяца минувшего года, город вправе производить замену отдельных позиций из перечня продовольствия другими...

– Позвольте, – Киньяр дэр Каэр взял бумагу. – Но не просто другими, но другими, аналогичных потребительских свойств, согласно установленному Короной перечню возможных замен и коэффициентов перевода...

Голова как-то сразу и заболела, глаз тоже дёрнулся.

А вот секретарь нахмурился.

И оглянулся на охрану. Та сделала вид, что просто стоит вот, мост разглядывает.

Красиво, конечно.

– Таким образом овёс может выступать заменой сену или силосу с использованием понижающего коэффициента, или пшеницы с использованием повышающего коэффициента, в зависимости от сортности исходного зерна...

Лицо секретаря вытянулось.

И губы поджались.

И взгляд сделался мрачным, тяжёлым.

– Однако не допускается замена продуктов иных свойств, в частности, пунктов один и два основного перечня. Следовательно, город не может произвести подобную замену...

– В договоре не прописаны ограничения. И город вправе производить любую замену.

– В таком случае данный договор нарушает королевский указ о содержании крепостей и иных сооружений, – вполне миролюбиво заявил Киньяр. – И следовательно, должен быть признан недействительным.

– Отлично! – секретарь дёрнул поводья. – В таком случае, город снимает с себя обязательства...

– Нет, – Киньяр вытянул ладонь, и на ней появился шар. – Извините. Мне просто кажется, что вы намерены уклониться от беседы. А я не могу допустить этого.

Секретарь сглотнул.

Шар был небольшим, но ярко-белым. Он медленно вращался, переливаясь всеми оттенками перламутра.

– Если договор недействителен, то город ничего вам не должен! – произнёс секретарь, вцепившись в поводья. Кажется, он пытался понять, что будет быстрее – лошадь или этот вот шарик.

– Боюсь, вы заблуждаетесь. Согласно уложению от года тысяча триста шестьдесят пятого, города, с населением более трёх тысяч человек податного сословия и располагающиеся менее чем в трёх днях верхового пути по отношению к объектам фортификации, имеющим постоянный гарнизон численностью...

Вот как это у него в голове-то держится?

– Обязаны отчислять десятину в казну данного объекта, – договорил паренек, причём на одном дыхании. И шарик свой подкинул, правда, тотчас ойкнул и поймал. – Взамен Корона предоставляет им налоговые льготы и расширенные права для торговли, в том числе и предметах особого списка.

Секретарь рот приоткрыл.

И закрыл.

А вот интересно, градоправитель знал?

– Это... это старое уложение.

– Даже древнее, – согласился парень. – Но вполне действующее. Приграничные города кормят крепость, а крепость их защищает.

– От кого?! – этот полный боли возглас потревожил окрестных ворон. – У нас мир!

– Это пока мир.

Знал. Наверняка. И сколько же налогов не ушло ни в казну, ни в крепость? Или, может, в крепость и уходило? Старому коменданту?

– Да эта развалина...

– Состояние объекта фортификации уложением не оговаривается, – спокойным тоном продолжил Киньяр. – Однако город, в числе прочего, обязан поставлять камень, а также смолу, земляное масло, гранитные ядра для катапульт... уложение действительно очень старое. Но там большой список. И зелья есть, и целители, кстати, как и иные специалисты из числа гражданских лиц. Их содержание тоже берет на себя город.

– Это... это ерунда какая-то! Мы поставили! Что могли, то поставили!

– Овёс?

– Да! – рывкнул секретарь и привстал в седле. – Ничего другого всё равно нет!

Киньяр дэр Каэр не впечатлился. Голову склонил и продолжил:

– Кстати, а следующим уложением, оно чуть более новое, но чётко определяет, что именно должна поставить крепость на каждую сотню номинальной численности гарнизона.

Секретарь дёрнул поводья, пытаясь развернуть лошадку.

– Это... это произвол!

– А в случае невыполнения властями города взятых обязательств командование крепости вправе реквизировать то, что считает необходимым. Правда, под расписку.

– Расписка – это не проблема... – Трувор мысленно потёр руки.

– Вы не можете!

– Оказываемое сопротивление, – тем же дружелюбно-спокойным тоном продолжил мальчишка, – может быть расценено как бунт. И уложение настоятельно рекомендует бунтовщиков не шадить, предавать плахе и огню, дабы не вводить в смущение слабые умы и блюсти в приграничье дисциплину.

А вот теперь секретарь побелел.

– Так что? – осведомился Трувор и тоже улыбку изобразил. Точнее она сама собой изобразилась. – Сами закон соблюдать будем или помочь?

Глава 2

В которой обсуждается реконструкция отдельно взятой крепости и кадровый вопрос

Поскольку это самое здание имело два входа, а точнее один вход и один выход, пришлось придумывать долгий план.

Основы архитектуры в применении к военной тактике

Выбраться из крепости незаметно не получилось. И чувствую, без тэры Урсулы тут не обошлось, потому как иначе не объяснить, каким таким пречудесным образом комендант, ещё недавно что-то там на мосту выяснявший, вдруг оказался за спиной.

И подобрался ведь незаметно так.

Прокашлялся.

– Могу я узнать, – осведомился он на диво дружелюбным тоном. – Куда вы собрались?

– Туда, – я указала на завал.

Ну, пока ещё завал, но камни уже начали движение. Килли решил, что крепость всё равно придётся восстанавливать целиком, так почему бы и не поработать для разнообразия здесь. Тем паче камни – это не только гряда булыжников, но и ценный строительный материал.

– Туда, – комендант посмотрел в указанную сторону, задумался и задал новый вопрос. – А зачем?

Главное, голову склонил на бок, смотрит с интересом. Прямо как папенька, заподозривший, что нам в голову пришла очередная гениальная идея, но доказательств того не имеющий. А подозрения, как говорится, ненаказуемы.

– Там был вход, – пояснила я. – Или выход. В общем, наверное, зависит от того, войти нам надо или выйти. Главное, что запасной. За ним дорога. Она в обход от остальной.

– Думаете, пригодится?

– Ну... на планах она есть. Ревизия же. Вдруг да проверят?

Как-то он, кстати, новостью о грядущей ревизии не впечатлился совершенно.

– Ревизии редко доходят до запасных выходов или входов, – комендант сказал это с печальной усталостью. – А нашей и ворот хватит.

– А что не так с воротами? Ну, кроме того, что они постоянно открыты? Мост Киллиан сделал. Красивый, наверняка.

– Ага, – отозвался Киллиан, выбираясь откуда-то из-за каменной груды. – А у ворот можно львов посадить. Каменных. Я видел. Очень модно. Или даже сфинксов.

– Там вся стена того и гляди обвалится, – идея коменданта не захватила. – Да и... сфинксы обождают. И без них дел хватит.

– Кстати, а когда эта ревизия приедет?

– Понятия не имею. Так зачем вам этот выход? И дорога? Или собрались дезертировать?

– А вот это обидно, – я нахмурилась. – Каэр никогда не сбегали. И не сбегут.

Комендант явно смутился и отступил:

– Прошу прощения. Это всё нервы.

Нервы – это да. У папеньки они тоже случались, да и у меня, говоря по правде.

– Я вам потом настоечку дам. А туда... тут... как бы это сказать... – я глядела, как сами собой расползаются камни. – Килли на своём месте. Киньяр...

– Более чем на своём, – кивнул комендант. – Крайне одарённый молодой человек. Говорят, и песни поёт.

– Лучше не надо, – я вздрогнула и нервно оглянулась. Надеюсь, тэр Трувор в порыве душевной доброты не разрешил братцу спеть. – Но я не о том. У них есть занятие. И от них есть польза. А вот я... скажем так, я понятия не имею, что делать с этим самым личным составом. Куда приводить. В какой порядок. И как это сделать, никого не угробив.

– И поэтому решили сбежать?

Да что он заладил, в самом-то деле!

– Поэтому решил найти тех, кто всё это знает и умеет.

– Там? – комендант указал на стену. – На дороге?

– На кладбище, – пояснила я. – Дорога ведёт в том числе на кладбище. А кладбище военное. И хоронили на нём местных солдат и, надеюсь, офицеров.

Он сперва, кажется, не очень понял.

А потом понял.

По лицу видно, что очень даже понял. И очень даже правильно.

– Вы... серьёзно? – спросил он осипшим голосом. – Вы... собираетесь посетить кладбище? И... нарушить его покой?

– Ай, – отмахнулась я. – Там обычно нечего нарушать. Покой покойников, чтоб вы знали, это ещё тот досужий миф. Кстати, раз вы уже всё одно в курсе, может, лопатой подсобите?

– Лопатой?

Это он тугой или просто в шоке? Люди, конечно, порой странно реагируют на логичные в общем-то вещи. Но мне казалось, что комендант выше всего этого.

– Лопатой, – подтвердила я и показала свою. – У меня маленькая, походная, а копать, как понимаю, придётся много. Или вам офицеры не нужны?

– Офицеры?

– Слушайте, а как вы к настойкам относитесь? У меня есть одна. Успокоительная. Повышенной крепости. Матушка варила. А она у меня отлично во всяких зельях разбирается. Ведьма как-никак.

Если он переспросит, значит, дело совсем худо. Но нет, комендант моргнул и выдохнул. Посмотрел на меня как-то по-новому, потом на Киллиана.

– А это нормально? – уточнил он почему-то у братца, указывая при этом на меня. Даже обидно стало за такое недоверие.

– Что именно?

– То, что он собирается поднять мертвецов.

– Ну да, – Килли отвлёкся. – А что? Он всегда так делал. И папа тоже.

Что-то комендант явно не то подумал. Вон, брови над переносицей сошлись. И снова глаз дёрнулся. Вот чувствую, с настойки надо было начинать.

– Надеюсь, вы заметили, что способности у нас разные, – поспешила пояснить я, пока комендант ещё в состоянии пояснения выслушивать. – И если со мной отец мог заниматься сам, то братьям пришлось искать учителей.

– На кладбищах?

– Сперва искали живых. Но с ними сложно оказалось. У Каэров репутация такая... своеобразная.

Кивнул, будто понимает. Хотя что он там понимает-то? Мы всего два дня знакомы. И те не полных.

– И вот одни отказывались, другие условия ставили, что это мы должны приехать и гарантии предоставить. Третьи соглашались, но хватало их ненадолго. Братья у меня одарённые, но... своеобразные. Скажем так.

И шутить любят. А не все детские шутки безобидны, особенно, когда ребенок – сильный маг. И помнится, последний живой наставник Киньяра долго материл и его, и отца, и вообще...

хотя не так сильно и пострадал. Вообще не пострадал. Брови чутка обгорели, одежда. Ну так сам же говорил, что надо уделять внимание щитам и быть готовым ко всему.

– В общем, папенька и решил вопрос по-своему. Отправился к королевскому университету...

– К кладбищу? – уточнил комендант.

– Ну да. Там и нашёл... в общем, он заключил договор с теми, кто откликнулся.

И между прочим, с магистрами шутить не получалось. Точнее получалось, но потом... у них тоже чувство юмора имелось. А у мертвецов оно ещё более специфичное, чем у некромантов.

Но об этом я не сказала. Комендант же задумался.

И думал долго.

– А потом? – спросил он. – Куда они потом делись?

– Так... по-разному. Пара в университет вернулась. К преподаванию.

Кстати, насколько знаю, там весьма довольны остались. К папеньке даже несколько раз с предложением приходили, мол, не сумеет ли он поднять ещё пару-тройку заслуженных преподавателей. Папенька отвечал, что он, конечно, поднял бы, но увы, тут дело в согласии обратной стороны. И найти того, кто после смерти пожелал бы вернуться к педагогической практике, весьма не просто.

Мэтр Эссиль отбыл в Иберийские пустоши, искать затерянный Авалониум, город Древних. А мэтр Науби отправился в горы в надежде обрести уединение и написать, наконец, труд всей своей жизни. Сперва – на Карनावийский хребет, но там какая-то история приключилась, с чьим-то чудесным спасением. Или не чудесным? Главное, что местные отчего-то уверились, что если спас и живёт уединённо, то это все непременно святой отшельник. Ну и потянулась вереница жаждущих благословения. И чудес, само собой. Пока жаждали окрестные жители, мэтр как-то терпел и даже вроде бы пытался помогать, всё же при жизни магом он был недюжинной силы и человеком добрым. Но когда слух разлетелся по округе и к его хижине потянулись уже не вереницы, но толпы страждущих быть спасёнными, он не выдержал. Последнее письмо, которое ещё папенька получил, было полно печали и недоумения. В людях мэтр окончательно разочаровался, к написанию труда так и не приступил, а потому решил идти дальше.

И выше.

В общем туда, где нет людей. И потому просил его не искать.

Но это так, это ж мелочи.

А комендант взглядом буравит, и теперь в этом взгляде видится такая вот задумчивость, что ли.

– Офицеры, значит, – он пощупал свои волосы. Надо сказать, те слегка отросли, и светлые пряди падали на глаза. – Полагаете, на кладбище найдутся?

– Не попробуешь – не узнаешь. В конце концов, можно будет в город съездить. Там кладбище наверняка побольше, побогаче. Точно и офицеры найдутся, и алхимика какого, если повезёт, откопаем или артефактора.

Комендант покосился на лопату в моей руке уже с немалым интересом, явно перспективу оценивая. А я продолжила:

– Счетоводов, прислугу. Кто ещё нужен? Вообще, мой отец говорил, что ни одно агентство по найму не даст такого выбора кадров, как средней руки кладбище.

– Интересный подход. А ещё они вместо нормальной еды опять овёс привезли, – пожаловался он.

– Серьёзно?

Эта сволочь издевается? Я сейчас не про коменданта, про градоправителя.

Чтоб. Точно поеду с ревизией кладбища. Заодно к градоправителю загляну, лично поинтересуюсь, кому там не живётся-то спокойно.

– Ещё один вопрос, если позволите, – комендант снова себя за прядку дёрнул, будто проверяя, крепко ли волосы держатся. – Видите ли, я как-то раньше не имел дела с восставшими покойниками. Поэтому простите, если прозвучит глупо, но они же вонять будут. Разлагаться там. И уверен, на ревизора это произведёт впечатление. Но и на личный состав тоже.

– Бойтесь, солдаты разбегутся?

– Не без того, – не стал лукавить комендант.

– На самом деле вы путаете самоподнявшихся мертвецов с некромантическими умертвиями.

– А есть разница?

– Умертвия не воняют! – крикнул Килли. – Посторонитесь!

Мы одновременно шагнули в сторону.

Мимо прогарцевало каменное нечто, то ли лошадь, то ли собака. Головы у него не было, зато имелись четыре ноги и куцые крылья.

– Килли?

– Это я подумал, что если комиссия придёт, то её надо привести в восторг! Сразу! И поэтому действительно начать стоит с ворот. Точнее продолжить. Починить и ещё как-то их украсить. А то извините, они у вас какие-то скучные.

– Может... – комендант проводил каменную тварюгу взглядом и добавил робко: – Не надо украшать? Просто починить?

Но Киллиан его не услышал. Он, как и прочие братья, слышал лишь то, что было интересно ему самому. А я пояснила:

– Самоподнявшиеся мертвецы действительно разлагаются. Да и связываться с ними себе дороже. Это проявления накопившейся тёмной силы, которая влияет на материю. А вот классическое некромантическое умертвие представляет собой сложный конструкт. Во-первых, основа его – это душа, которая не обрела покоя. И таких немало. Кстати, почему-то особенно много среди трудоголиков.

Комендант кивнул и снова задумался. Посмертие себе представлял?

– Во-вторых, нужен носитель. Привязка. Какая-то вещь или, чаще всего, кусок кости. Даже зуб сойдёт. Он свяжет душу с будущим телом. А его конструкт создает из материи. Так что да, плоть необходима.

– Чья?

– Животных. Если необходима материальность. Точнее, как бы это выразиться... душу с конструктом можно и к костям прикрутить. И было время, когда так и делали. В древности. Одно время просто повально создавали слуг-скелетов. Бойцов-скелетов. Армию скелетов... Но, честно, это как-то и не эстетично, и не слишком практично.

– Завал я разобрал, галерею подлатал, – отчитался Киллиан, складывая камешки в подобие человеческой фигуры. – Тэр Трувор, а вы статуи любите?

– Ценю, – дипломатично ответил комендант.

– Это хорошо... прекрасные?

– Чем прекраснее, тем больше ценю.

– Тогда я поставлю у ворот парочку?

Комендант дёрнул головой и, верно решив, что хуже не будет, сказал:

– Конечно.

– Или над?

– Или над, – комендант изобразил улыбку. – Главное, чтоб стены хотя бы выглядели более-менее целыми... ну или дырку, там есть одно место, где наружный слой кладки осыпался, можно статуей прикрыть.

А он изобретательный.

– Дырку я камнем прикрою! А статуи, они чтобы впечатлить!

И Киллиан, хлопнув каменное творение по спине, вприпрыжку побежал к воротам.

– Почему у меня такое чувство, что я об этом ещё пожалею? – меланхолично произнёс комендант. Потом повернулся ко мне и сказал: – То есть они будут мёртвые, но с виду...

– От живых не отличить. Ну, если не сильно приглядываться.

– И многих ты поднять можешь?

Я задумалась. А и вправду, вопрос хороший.

– За раз дюжины две, – всё-таки ритуал не такой и сложный, если брать души, которые сами хотят воплощения. – Потом можно привязку перекинуть на камни, чтобы от них подпитывались энергией. Внешний контроль я оставляю, но исключительно для подстраховки...

– Камни есть, но пустые. Я заряжаю, но того, что выходит, едва хватает остатки контура держать. Крепость большая, а магов здесь до недавнего времени и не было.

Зато теперь есть.

– Мы с Карлом поможем, – заверила я. – Да и если повезет на мага наткнуться, то лич получится. Ему вовсе поддержка не нужна, он свою силу использует.

Что-то, вижу, моё предложение коменданта не вдохновило.

Ну да, личи – штука такая... в общем, репутация у них не на пустом месте появилась.

– Да не переживайте вы так, – сказала я. – Тут ещё не факт, что откопаем кого-то нужного.

– Даже не знаю, что меня больше пугает, что откопаем или что не откопаем, – комендант вздохнул. – Так... без меня в любом случае ни с места. Ясно?

Я кивнула.

– Я сейчас вернусь. Вместе и отправимся.

– А вы куда?

Нет, я не против компании, но хотелось бы понять, сколько ждать-то.

– За лопатой!

А вот это правильно. Больше всего бесит, что нужных покойников нельзя вот просто магией поднять. Точнее можно, но заодно с остальным кладбищем. Знаю, проходили.

– Лопата, – я поглядела на Лютика, пятак которого высунулся из свежерасчищенного прохода. – Лопата, чтоб ты знал – это главный инструмент в прикладной некромантии.

Глава 3

Несколько слов об оборотнях и не только

Войдя в таверну, маг явственно ощутил, как челюсть стукнула его по подбородку
Клуб приверженцев здорового питания предупреждает об опасности посещения некоторых заведений, не имеющих лицензии от Гильдии Трактирищиков

Персиваль прошёлся по поляне, снова выглянул, будто надеясь разглядеть на другом берегу что-то этакое, ему одному понятное, но всё же вернулся к ели. И взгляд его задумчивый задержался на Дагласе, отчего по спине побежал холодок, а в груди снова заняло.

– Слушай... а ты точно не сможешь? – поинтересовался Персиваль.

– Что не смогу?

– По следу пройти. Ну... понюхать там... – он помахал руками.

– Издеваешься?

– Спрашиваю.

– Нет, – Даглас потрогал переносицу. Странно, но она ощущалась почти нормальной. Так, слегка зудело внутри и тепло появилось. Ну и сопли, само собой. Но хоть не капают, как в прошлый раз.

– А если помочь?

– Чем ты мне поможешь? – Даглас не удержался и высморкался. – Ещё минут десять-пятнадцать и нос вообще заложит. Я после такого вот... в общем, потом дня три вообще никак. То есть запахи никакие не воспринимаю.

Персиваль смотрел с сомнением.

– Тут специально обученные собаки нужны. Такие, которых на след с помехами ставили.

– Это вряд ли, – Персиваль бутылку поднял. – Судя по тому, как они следы скрывают, то и королевским гончим тут делать нечего. Ладно, возвращаемся.

– А танерийцы?

– Никуда не денутся.

Даглас шмыгнул носом и, не удержавшись, чихнул.

– И-извини...

– Да ничего. А что ты ещё можешь? На луну воешь?

– Нет.

– А блохи? Блох цепляешь?

– Перси!

– Что? Я ж должен знать, к чему готовиться! У отца, между прочим, старый кобель был. Нет, я не намекаю, ты не то, ты молодой и совсем даже не кобель, что само по себе подозрительно, чтобы в твоём-то возрасте...

– Персиваль!

– Так я о чём? У него постоянно блохи были! На него и амулеты цепляли противоблошинные, и гвоздичным маслом мазали...

Даглас почему-то представил, как ночью Персиваль крадёт на цыпочках, чтобы помазать его гвоздичным маслом. И вздрогнул, настолько достоверной вдруг показалась картина.

– А он всё одно! Как во двор выйдет...

– У меня нет блох! И не цепляю! И в тапки гадить не собираюсь.

– Это очень хорошо. У меня, конечно, тапок нет здесь, но всё равно успокаивает, – с самым серьёзным видом закивал Персиваль.

– Издеваешься?

– Скорее уж пытаюсь понять, чего ты такой смурной-то? Чаепитие не задалось? Да не спеши, чего уже лететь... пойдём вот, пройдемся, – и шишку пнул, потянулся смачно до хруста в костях. – А хороший здесь воздух-то... воду здешнюю только пить страшновато. Слушай, ты не знаешь, они её из реки берут?

– Из скважины. В поместье есть пара. Вода подымается по трубам, потом проходит через амулеты очистки, и тогда уже на стол. А что?

– Да... так... вода тут очень странная. В озере, я имею в виду.

Даглас поглядел на берег. Конечно, притока – это совсем даже не озеро и за рогозом воды почти не видно, так, поблескивает что-то этакое, тёмненькое.

Но с виду вполне себе обыкновенная.

– Потом покажу, – Персиваль тоже поглядел. – И давай, сделай вид, что ты из местных. Гуляешь там. Красотами окрестными любуешься.

– Местные вряд ли тратят на это время. Это в столицах гуляют по паркам. А в лесу обычно люди делом заняты.

– Какой же ты порой нудный. Это всё почему? Это всё потому, что у тебя бабы нет!

Персиваль поднял шишку и запустил куда-то в сторону. Ветки зашелестели и из кустов донёсся возмущенный хрюк, заставив Дагласа замереть. Будет весьма обидно напороться на кабанье стадо.

– Что? Не обращай внимания. Это свинья одна. В берете.

Чего?

Какая свинья в берете?

– Кстати, а если серьёзно, то что ты ещё можешь, кроме запахов?

И ведь тон действительно серьёзный.

– Кроме запахов... – Даглас задумался. – Пожалуй, что ничего такого... особенного. Болею вот редко. В детстве ещё мог, но так, больше по дурости. Когда на спор с братцами сосульки жрал. Доказывал, что не могу замёрзнуть. Раны вот затягиваются легко. Мне лет семь было, когда сбежал из дому. Тогда ещё думал, что смогу подружиться с... не важно. Мальчишки со стогов катались. На поле, знаешь, ставят. Огромные. И пацаньё, кто посмелей, наверх залазят, а потом скатываются. Издали стога не такими большими кажутся, но если подойти, то дух захватывает. Я с ними хотел. А они сказали, что я барчук и к себе не возьмут. Если не докажу, что не трушу. Ну и показали стог один, он в стороне стоял. Такой вовсе... здоровущий. И если я скачусь с него, то, стало быть, не трус.

– И ты трусом быть не захотел, – Персиваль ступал легко, вроде бы и раздолбай, а по лесу ходить явно приучен.

– Кто ж захочет... я и полез. Страшно было до одури, но вот...

– А я в прабабкину лабораторию забрался. Тоже на спор.

Надо же. Нет, оно понятно, что в детстве у всех дури хватает, но всё равно в этом чудится что-то общее.

– Кузены подбили, – Персиваль сунул руки в карманы. – Мы тогда на похороны прибыли, но похорон не состоялось. Бабка просто решила семью слегка в чувство привести и всё такое... вот. У неё норов крутой довольно. И наши-то её побаиваются. А я не особо знал, что там да как. Вот и подбили, мол, докажи, что кровь в тебе правильная. Заберись и вытащи череп.

– Череп?

– Они думали, что у неё там черепа.

– Забрался?

– Ага. Она меня поймала, за уши оттаскала, а потом поставила помогать, – Персиваль широко улыбнулся. – Так моя учёба и началась... а ты сумел?

– Забраться забрался. На самый верх. А потом вниз полетел. Только не подрассчитал слегка. В стогу грабли стояли. Я по ним и прошёлся.

Персиваль остановился и обернулся. Резко так.

– Они знали?

– Без понятия, – Даглас пожал плечами. – Может и знали. Но вряд ли. Одно дело дурковать, а за такое и спросить могли. Пусть наш род и не любили, но всё одно... да и сами перепугались крепко. Я как съехал, сам не понял, чего стало. Бочину обожгло и только. А они с воплями и в стороны. И полетели, что и не догнать. Я стою. Бочина болит. Глянул, а там кровиха льётся... не помню, как до дому дошёл. Матушка потом пеняла, что из-за меня у неё мигрень началась.

Персиваль головой покачал. И выражение лица у него такое, престранное сделалось.

– Да обошлось всё. Раны не такие глубокие оказались. Перевязали, затянули потуже и всё. Полихорадило чуток, а потом и ничего. Шрамы чуть остались и то еле-еле видны. Тогда-то и выяснил, что на мне всё, как на собаке.

Сказал и снова чихнул.

– О! Правду говоришь!

– В смысле? – Даглас враз не любил, пусть порой и приходилось.

– Бабка моя, которая прабабка на самом деле, говорит, что если человек чихает, то правду говорит. Примета такая.

Абсолютно нелогичная, как и все приметы.

– Кстати, а почему ты нормально учиться не пойдёшь? – поинтересовался Персиваль, легко ныряя под ветку. И снова же, не задел, не коснулся даже краем, потревожив хрупкий покой леса.

– На кого?

– Ты ж на лекции ходишь. В университет. Вольным слушателем. И голова у тебя светлая, в отличие от моей. Небось, там и место есть, куда науку впихнуть.

– А смысл?

– А какой должен быть?

Даглас пожал плечами. Об этом он никогда не задумывался.

– Я, можно сказать, случайно туда попал. Да и... скажем так, когда знаешь закон и свои права, то от кредиторов отбиваться легче. Случилось оказать небольшую услугу одному... хорошему человеку, не подумай, сын у него проигрался, и возникло подозрение, что не всё так просто. Слишком уж сумма велика оказалась, и кредиторы назойливы. Вот и обратились ко мне. Я помог. И вправду мошенники оказались. Вот... а человек этот в университете преподаёт. Юриспруденцию. Я у него уже потом попросил совета по паре договоров кредитных, что мой отец подписал.

– И?

– И не зря. Много нарушений нашлось, да и процент вовсе незаконный. Он претензию составил, которую я отослал. В общем, удалось потом перезаклучить на иных условиях.

Правда, отец крепко обиделся, потому что деньги брал не только под договор, но и под честное дворянское слово. А выходило, что это слово Даглас порушил. И чести урон нанёс.

Зато платёж в итоге уменьшился вдвое. А то получалось, что платишь, платишь, но долг лишь растёт.

– Этот знакомый и предложил приходить, если время будет.

И полезно же.

Очень полезно.

Только в Гвардии не поймут, если узнает кто. У гвардейцев к крючкотворам давняя нелюбовь.

– Так и отлично, – Персиваль пожал плечами и дунул, заставив покачнуться тонкую паутинку с чёрной бусиной – пауком. – Шёл бы тогда вовсе в студиозусы.

– Да ну. Какой из меня... да и дорого. Это входной билет мне выправить могут. И доступ к библиотеке открыть. А чтоб учиться, надо платить.

– А денег, как понимаю, нет.

– Нет. Долги... Слушай, а ты по мою душу или за Каэрами?

– Что? – Персиваль переступил через лежащее бревно.

– По лесу так ходить – опыт нужен. И в дворцовом парке такому не научишься. Знаешь ты много. Наблюдательный. И вовсе не такой уж раздолбай, каким хочешь казаться. Слежку заметил. Метку оставил. Вывести вывел. И работаешь тонко, не как гвардеец. Опять же, всунули тебя в последний момент. Хотя, конечно, выглядело всё более чем достоверно. Я и хочу понять, ты от кого? От герцога? Или от короны?

– Второе, – Персиваль остановился и голову склонил. – А ты?

– Сказал бы, а, – Даглас остановился и потёр грудь.

– Плохо?

– Да... не знаю. Странно. Пусто там внутри. И в голове тоже. Сказали, что там, за чаем, дурно мне стало. Может, конечно, и правда, но сдаётся, что не вся.

Пустота внутри никуда не делась. И ощущение, что живёт Даглас в долг, тоже не ушло. Напротив, стало яснее, чётче.

– Каэр на многое способны, – сказал Персиваль со значением. Правда, Даглас не очень понял скрытого смысла. – Но ты жив, а это уже хорошо.

– Что ты об этом знаешь?

– Немного.

– И рассказать не имеешь права?

– Отчего же, имею. Но... – Персиваль закрутил воздух воронкой. – Вот так лучше будет... так вот, двадцать лет тому корона оказалась в сложном положении.

– Шла война.

– Именно. Но тогда уже было очевидно, что танерийцы терпят поражение. Причём очевидно не только нам. Их оттеснили сперва к границе, а потом и за неё. Наши войска заняли Элькнор, а следом нацелились и на Лотар.

Две приграничных провинции.

– Были мысли, что получится пройти и дальше. Более того, не просто пройти, но и закрепиться, заключив новый мир и прочертив новую же границу. Скажем, по линии Рейнеса. Это изрядно ослабило бы Танер. И в дальнейшем, глядишь, прыти у них да поубыло бы, как и желания лезть к нам.

Персиваль остановился, задрал голову, проводя взглядом стремительную тень, что мелькнула в ветвях. Для белки тень была крупновата. Куница?

– И в тот момент, когда шли жаркие споры не столько о прекращении войны, сколько о том, в каком направлении ударить, чтобы донести до танерийцев мысль о необходимости заключить мир и как можно скорее, кто-то уничтожил Каэров. Боевых некромантов, прошу заметить. Даже не так. Верных короне боевых некромантов, с которыми трон связывала многолетняя... точнее многосотлетняя дружба.

– Погоди... то есть...

– Это не один или два мага, Даглас. Это два десятка магов, которых вдруг не стало. Уникальных. Способных обеспечить тот самый перевес в силе, делающий наступление в принципе возможным.

– Но... то есть... полагаешь, что кто-то взял и...

– А ты думаешь иначе? – Персиваль глянул сверху вниз. – Кто-то их отозвал с линии фронта. Собрал вместе. И ударил так, что от поместья осталась одна большая глубокая яма. И чудо, что вообще хоть кто-то из рода уцелел.

– Я... не знаю. Но...

Если так, то всё выглядит логично.

– А расследование? – собственный вопрос прозвучал на диво жалко.

– Расследование было, само собой. И проводилось весьма тщательно, но...

– Ничего не нашли?

– Ничего такого, что вывело бы на след.

– А теперь?

– А теперь, возможно, что-то новое появится. Правда, дружище? – и улыбка у него на оскал больше похожа. И откуда-то чувство возникло такое, что на шее уже не петля клятвы затягивается, а совсем другая, пеньковая, которая и положена заговорщикам.

Хотя нет, Даглас – дворянин. Дворян вешать нельзя. Ему законом топор полагается. Но от этого почему-то не легче.

– Но двадцать лет прошло, – тихо произнёс он. А Персиваль пожал плечами.

– У короны долгая память. И руки длинные. Двадцать лет – это не так и много. Может, я тебя удивлю, но иные интриги и куда дольше тянутся.

Куда уж дольше-то?

– Поэтому некоторые имена отслеживают. И когда вдруг появился донельзя любопытный приказ... – Персиваль сделал выразительную паузу. – Было принято решение присмотреться и к тому, кто его отдал, и к иным, сопутствующим сему событию лицам. И судя по всему...

Он нежно погладил карман.

– Не зря.

Даглас вдохнул чистый здешний воздух. Выдохнул.

И сказал:

– На мне клятва, хотя... – он потрогал грудь. – Может, уже и нет. Что-то они сделали, там, когда тебя отослали... слушай, а если бы они меня убили?

– Это было бы печально.

И главное, искренне так говорит.

– Не вышло бы допросить?

– Видишь, как тяжело работать, когда в штате нет приличного некроманта? Даже покойника допросить некому, – Персиваль подхватил шишку. – Так будешь сотрудничать?

– А есть выбор?

– Есть, конечно. Будешь или не будешь.

– И что во втором случае?

– Ну... нападение диких кабанов. Ты грудью встанешь на мою защиту и героически погибнешь в местных лесах, твои останки передадут семье. И похоронят, заметь, со всеми почестями. А наша беседа продолжится в другом месте.

Причём тон был по-прежнему такой, мягкий, спокойный.

Исполненный дружелюбия.

– А в первом?

– Сотрудничество зачтётся... более того, я уполномочен сделать тебе предложение.

– Надеюсь, не руки и сердца? – съязвил Даглас, и Персиваль хохотнул.

– Хуже, друг мой. Хуже. Но перспективней. Как ты смотришь на то, чтобы перейти под руку короля?

– Так я уже служу...

– Вот давай сейчас без этого? Всё ты понял.

Понял.

Как ни странно, действительно понял. И предложение это... в другой раз Даглас бы и не задумался. Да, некоторые полагают, что тайная служба претит дворянской чести. Но видел он вещи и куда более отвратительные, которые почему-то с дворянской честью неплохо уживались.

И перспективы.

– Ты ж понимаешь, что я в заговор влез? Может, не по своему желанию, но влез.

– Ой, да какой там заговор, – Персиваль отмахнулся. – Из Доннаха заговорщик, как из говна пуля. Уж извини.

– То есть... ты знал?

– Что герцог послал тебя сюда окрутить девицу Каэр? И прибрать к рукам их земли? – Персиваль фыркнул. – Тоже мне тайна... да на то, получится или нет, уже ставки делают. Точнее на то, как скоро ты её уложишь и обрюхатишь ли сразу или уже после свадьбы. Конечно, ставки тайные, как и само дело, в одном уважаемом закрытом клубе.

Уши Дагласа налились жаром.

– Спокойно, дружище... дыши глубже. Твой дружок очень любит мешать выпивку с некоторыми запретными зельями, после чего делается весьма болтлив. Хотя, как ему кажется, болтает он исключительно в кругу близких друзей.

Персиваль хлопнул по плечу, но легче не стало. Жар не уходил. Он пульсировал в голове. В груди.

Обидой? Нет, какая обида. Даглас знал, что его используют. Но всё одно это было как-то... совсем уж цинично? Со ставками? В закрытом клубе.

– Сам он слишком туп и бестолков, чтобы затеять подобную игру, а вот тот, кто стоит за ним...

– А камни? Камни... если так, вы знаете про камни?

– Знаем. Это тоже не сказать, чтобы тайна великая.

– То есть жила есть?

На Дагласа поглядели с насмешкой, и уши запылали сильнее, а ещё от разочарования ли или от обиды, что всё опять так глупо, нос пробило. И резко. Воздух вдруг сделался плотным, насыщенным запахами.

Хвои.

И земли. Мха. Зверья, которого тут водилось.

– Ну про жилу не скажу, есть она или нет. Её искали в своё время, но не нашли. Имеется легенда, что камни – это кровь твари, которую одолел первый из рода Каэр. Кровищи тогда изрядно расплескало, вот их время от времени и находят. Каэры, кстати, сами пытались добычу наладить, но потом отступили. Что-то там нарушается. И не стоит. А когда некроманты говорят, что у них чего-то нарушается и лезть не стоит, то лучше прислушаться. Понимаешь?

Значит, всё изначально было... сказкой?

Для дурачка.

А он, выходит, тот самый дурачок, который побежал за детской деревянной морковкой, стоило ею махнуть перед длинным носом.

И жар в груди заполнил пустоту. Но его оказалось слишком много, и там, внутри, что-то затрещало, а потом всё-таки хрустнуло, словно надломилось. И жар потёк по крови.

– Так, дружище, – Дагласа вдруг тряхнули. – А ну-ка! Выдохни. И давай, вдох... и выдох. Вдох и...

– Что...

Кости заломило.

И шею словно судорогой свело. Шкура зачесалась вся и сразу.

– Вот не надо нам сейчас оборота. Не надо... что ж ты нервный-то такой?!

– Я не... – вместо слов из глотки донеслось рычание.

– Ну вот, – руки разжались, и Даглас упал.
Или не упал.

Встал на четыре лапы?

У него лапы? И... и он тогда... кто он?

– И вот что мне теперь в отчёте писать-то, а? – как-то совсем уж безнадежно спросил Персиваль. – А я говорил, не гожусь я для вербовки! Говорил! Мягче надо, нежнее... момент чувствовать!

Даглас, заметив движение сзади, крутанулся. Клацнули клыки, впиваясь в шкуру врага, и разжались, а из горла донёсся вопль.

– Хвост жрать не надо! И вообще, сидеть! Сидеть! – Персиваль махнул рукой.

Издаётся?

– Слушай, а ты меня понимаешь?

– Р-да... – выдавил Даглас и потряс головой. Потом снова потряс: от тряски в голове слегка прояснилось.

– Вот и отлично... ну не переживай, ну обернулся на нервной почве, с кем не бывает. Ты, главное, блох не притащи... вот не люблю я блох, честное слово...

Даглас повернулся влево, пытаясь разглядеть себя. Нос чесался. Его заполняли запахи, которых оказалось вдруг слишком много. И он чихнул.

– Спокойно! Четыре лапы – это временно! Ну, будем надеяться, – Персиваль выставил перед собой ладони. – Слушай, в поместье тебе пока показываться не стоит... хотя, конечно, ведьма бы помогла...

– Н-нет! – Даглас мотнул башкой и покачнулся. Башка оказалась тяжёлой, да и вообще нынешнее тело требовало времени, чтобы освоиться.

Но...

Он поднял лапу.

Длинная. И не сказать, чтобы волчья. У волков лапы тонкие, что спицы. А эта толстая с мягкой подушечкой, из которой выглядывали когти. Меха короткий, дымчато-пятнистый. И хвост... если не пытаться ловить, но аккуратно обернуться, то видно, что хвост длинный и пушистый.

– А кто у тебя прадедушка был?

Даглас хотел пожать плечами, но в зверином обличье это не получилось.

– В с-мье... не принято было, – чем дальше, тем легче давалась речь. – Б-р-бабшка! Пра!

– Прабабушка... понимаю. Значит, оборотнем была прабабушка? А она откуда родом?

– Г-ры! Д-лко! Дед служил.

– Служил и выслужил. Оно и понятно... в горах стало быть... ну да, где ещё снежным барсам водиться?

Барс?

Он барс?

Даглас опять крутанулся. Но тело изогнулось, лапа подломилась и он рухнул мордой в мох.

– Кстати, в тапки ты обещал не ссать!

– У тебя их нет, – если отплеиваться от мха и игл, то речь выходила даже внятной.

– Мало ли, вдруг появятся... слушай, раз такое дело, может, вернёмся? На поляну? Вдруг ты барсом больше унюхаешь? Ну не смотри... даже если назад не получится, мы тебя всё равно на службу примем. На довольствие поставим. Будешь боевым королевским барсом.

Хвост хлестанул Персиваля по ноге.

– Так что, возвращаемся? О! И к озеру надо. Вдоль речушки пройдёшь. Ты барсом пробежишься по берегу. Конечно, не самая типичная зверюга для наших мест, но сделай вид, что

ты тут живёшь. Что местный барс. Всё-таки болота, некроманты... кто знает, что тут вообще водиться может? Ну или что забрел случайно. С гор там спустился...

И всё-таки Персиваль бесит.

Этим вот нарочитым оптимизмом и бесит. Были б у него тапки... от такой мысли стало стыдно. Но в то же время эта самая мысль вдруг показалась на диво привлекательной.

Наверное, даже хорошо, что тапок у Персиваля нет.

Глава 4

О занимательных беседах по дороге на кладбище

*Медное кольцо на указательном пальце средней руки
О том, как опасны алхимические эксперименты*

– А вы и вправду на кладбище пойдёте? – откуда вынырнул мальчишка, я так и не поняла. Не было рядом никого, и вот уже стоит, на ноге одной подпрыгивает от распирающей энергии, и во взгляде – искренний детский интерес.

– Пойдём.

– Ночью?

– Ещё не ночь.

– Так пока доберетесь, так и будет, – возразил он и ногу сменил, но подпрыгивать не перестал.

Ну да, есть такой момент. Я посмотрела на солнце. Вроде бы и высоко, но памятуя вчерашний день, можно сказать, что смеркается тут быстро.

И стоило бы отложить поездку, да...

Мысль мне почему-то не понравилась. А чувствам своим я верить привыкла. Вроде как и планов особых на завтрашний день у меня нет, но почему-то беспокойно. Ревизор этот опять же. Когда он явится? Вдруг завтра?

Появится и запретит. Или ещё чего произойдёт. Мой жизненный опыт подсказывал, что произойти может буквально всё, и потому не стоит откладывать важное дело.

– Фонарь возьму, – решила я. И, сунув пальцы в рот, свистнула. Звук получился громкий, резкий. А восторга в глазах мальчишки прибавилось.

– Научите?! – шепотом спросил он.

– Эм... потом?

Не хватало ещё. Патрик не обиделся кивнул и сказал:

– Если вы тэра коменданта подзываете, то он на свист не придёт. Его так звать надобно. Словами. И вообще, может, не услышит. Он, небось, лопаты искать пошёл, потом людев... вдвоём-то вы много не накопаете.

Резонно.

И мне бы самой подумать стоило. Раньше я конкретного покойника откапывала. Ну двоих. Трое – максимум, и то там помощники были. А тут? Сколько понадобится? Дефицит кадров тут серьёзный, а кладбище старое, земля, небось, твёрдая. Так что да, комендант сообщает.

Чтоб...

– А ты его найти можешь?

Патрик кивнул.

– Тогда найди и скажи, чтоб и мешок взял. А лучше два.

Кости в чём-то нести придётся. Даже если черепами ограничиться. Ну или позвонками. Черепа я не особо любила, хрупкие и объёмные, но у покойников в них какая-то особая привязанность, что ли.

Я огляделась и снова свистнула.

Где его демоны носят-то?

Стоило подумать, и раздался грохот копыт. Да такой, что камни заплясали. Паренек оглянулся и застыл, рот приоткрыв. Я, уж на что привычная, и то залюбовалась. Скотина не скачет

– плывёт над землёй. Черная грива полотнищем стелется, хвост трубой... в общем, красавец. Но не понятно, с чего он так топочет-то? И ведь точно знаю, умеет Скотина тихо ходить.

Бесшумно даже.

Подозреваю, что и ныне грохочет исключительно, чтоб на себя, чудесного, внимание обратить. А то вдруг кто этакое зрелище по собственному скудоумию да пропустит.

– Это ваш? – шёпотом спросил Патрик и на всякий случай поближе подвинулся, что разумно, потому что Скотина – он ведь не просто так Скотина.

Ещё та заразина.

– Ага.

Остановился конь резко, на дыбы взвился, красуясь.

– Хрю, – прозвучало откуда-то сзади. Я обернулась, чтобы увидеть, как из тьмы прохода высовывается любопытная харя Лютика.

– И он ваш?

– Это? Нет, это брата.

– А погладить можно? – спросил паренек по-прежнему шёпотом.

– Кого именно?

– А кого можно?

– Ну... Лютик, вроде, адекватный. Спроси у него, если разрешит, то гладь.

– Хрю, – Лютик выбрался, отряхиваясь на ходу. А я изо всех сил постаралась сохранить невозмутимое выражение лица. Нет, я знала, что Килли вяжет костюмчик, но...

Розовый!

Вот серьёзно? Розовый и со стразиками! Кружевной комбинезон сидел идеально, облекая пухлое тело Лютика. Сквозь дырки в кружевах пробивались завитки пуха, но выглядело это довольно симпатично. Правда, изысканный наряд несколько диссонировал с мрачным, полным осознания происходящего взглядом.

– А что ты хотел, – сказала я, разводя руками. – Тяжела участь разведчика. Зато никто тебя всерьёз не примет. Враг, я имею в виду.

– Хрюк, – согласился Лютик и потряс головой, избавляясь от клочьев пыли.

Даже знать не хочу, где он лазил. Надеюсь лишь, что, если он отыщет что-то полезное, то скажет.

– А можно тебя погладить? – Патрик принял совет серьёзно. И к Лютику склонился. Тот смерил пацаненка суровым взглядом и кивнул. А потом сел и голову склонил, подставляя шею.

– Какой мягонький... какой хорошенький... – пальцы коснулись шерсти.

Скотина фыркнул и выгнул шею. Прошёл влево. Вправо. Нервно затоптал.

– А ты кусаешься, – сказала я.

– Урм! – сколько возмущения в голосе. И копытом притопнул, мол, кого это он просто так укусил. Ага, и голову задрал, сделал вид, что ему вот совершенно не интересно, что кого-то там наглаживают. Он вообще выше этих глупых нежностей.

И выше.

И шире.

– Всё одно красивый, – с придыханием сказал Патрик. – А офицеры говорят, что такого коня, наверное, даже у генерала нет... сегодня все только и делают, что ходят смотреть. Овсу вот приносили.

Скотина повернул голову в другую сторону.

– И жалели!

Ну да, его, бедного и несчастного, только и делают, что жалеют.

– А жалели почему? – уточнила я.

– Так... – на меня поглядели с недоумением. – Вы ж о нём не заботитесь.

И Скотина, не будь он скотиной, кивнул.

– Засунули в какую-то дыру и позабыли, позабросили. Денник не почистили, свежей соломы не принесли, покормить не покормили... – Патрик загибал пальцы, а Скотина на каждый кивал, поддакивая. – Вот и пришлось другим. Ему сперва тэр Кеннет овсу насыпал. Потом тэр Трувор, потом...

Парень принялся перечислять, на сей раз пальцы разгибая. И главное, список получался приличный.

– А ты что? Сожрал? – уточнила я, когда было названо шестое имя. Подозреваю, что сыпали они от души, ибо чего-чего, а овсу в крепости с излишком.

Скотина отвернулся, резко потеряв интерес к происходящему. И вообще сделал вид, что он так себе лошадь, обыкновенная, и человеческих словес не понимает.

– Всё сожрал, – подтвердил мальчишка. – И когда тэр Грегор узнал, сказал, что перекормили, что теперь точно заворот кишок случится. А всё от недогляду.

Он поглядел на Скотину и, вздохнув совершенно по-взрослому, добавил:

– А красивый. Жаль будет, если подохнет.

Выражение морды Скотины стоило того, чтобы это увидеть.

– Не подохнет, – поспешила заверить я. – Скотина у нас – тварь живучая. А переварить и камни способен, так что пусть кормят, если охота. Главное, чтоб в седло никто не лез.

– Так он не дался, заседлать-то, – парнишка чесал Лютика за ухом, и тому, похоже, нравилось. Вон, глаза прикрыл, но чую, всё одно наблюдает.

– И хорошо. И правильно.

– А как вы на нём поедете, без седла?

– Вот и мне интересно, – тэр Трувор изволил вернуться не один, но в компании четырёх мрачных краснорожих солдат, всем видом своим демонстрировавших отношение к высокой начальственной инициативе. Но зато вооруженных лопатами.

Отличными с виду лопатами.

– Так, я и не поеду. На нём без веской на то причины лучше не ездить. Кости вот повезем. Вы мешки взяли?

– Взял, – ответил этот воистину святой человек. – И веревку взял. И ужин взял, поскольку, если я правильно понял, мы к нему не вернёмся.

Я прямо ощутила, как в животе оживают бабочки. Хотя может, просто несварение. Овёс, он не особо усваивается-то.

– Овёс? – уточнила я, раз уж вспомнилось.

Комендант вздохнул.

– Там, возможно, завтра получится что-то другое. Ваш брат напомнил об обязательствах, однако, опасаясь, что угрозу могут не принять всерьёз.

– Ну... если не примут, – я похлопала по животу. – Мы сами к ним наведемся. Кладбище там, небось, побольше. А хорошие кадры никогда лишними не будут. О! Наверняка и интендант приличный найдётся. А приличный интендант, если его правильно поднять, он в иных случаях любому личу фору даст.

Почему-то краснорожие мужики отступили на шаг, оглянулись.

– Стоять! – рявкнул комендант. – От посещения кладбища ещё никто не умирал.

Да как сказать... но я вдруг поняла, что это тот самый момент, когда стоит промолчать. В самом деле, не копать же самой?

Трувор поправил мешок с мешками, подумав, что вполне мог бы остаться. Более того, он должен был бы остаться в крепости и мудро руководить восстановительными работами. Или хотя бы вид сделать, а не переться на ночь глядя в горы, не пойми куда и в компании четверых потенциальных дезертиров, мальчишки-некроманта с его химерой и свиньи.

Причём лошадь унеслась куда-то вдаль, свинья исчезла после первого поворота, нырнув под массивный камень. И главное, из-под камня донёсся сдавленный писк, а потом чавканье. Но вместо возмущения в душе проснулась зависть.

Кто-то ест не овёс.

– А кого мы в жертву принесём? – раздался донельзя знакомый и бодрый голос.

– Что? – Трувор обернулся, чтобы увидеть Патрика, который бодро шагнул по тропинке. –

А ты здесь откуда?

– Так, – паренек пожал плечами. – Я так-то с вами! Я дорогу знаю!

– Откуда?

– Ну... батя водил. Давно. Раньше.

Это ж насколько раньше, если галерея оползла уже пару лет как?

– Да ладно, – некромант тоже оглянулся. – Пусть идёт. Ему же интересно. Я вот в детстве тоже любил с отцом выезжать.

– На охоту? – не удержался Трувор.

– Сперва на кладбище. Там своя атмосфера. Тихо. Спокойно. Благостно.

Кто-то из солдат споткнулся и лопату уронил, хорошо, тут дорога протискивалась сквозь камни и никаких тебе пропастей, в которых можно угробить подотчётное имущество.

– Да и в целом своя особая атмосфера... – в голосе некроманта прорезались мечтательные ноты.

Нет, правильно Трувор пошёл.

Крепость что? Стены восстанавливают и так быстро, что впору себя ущипнуть, проверяя, не снится ли оно. И работает-то мальчик легко, так, что диву даёшься. Правда, сказал, что сперва основа, а уже потом красоту наведёт.

И Трувор согласился. Глядишь, как раз наведением красоты и занят будет. А пару охладомонов в помощь поставил, пока номинально, но тоже вроде как занятие. Второй из Каэров бумаги перебирает, что-то там себе выписывает.

В казармах уборка идёт, причём отнюдь не номинальная. Маг смерти сам и руководить вызвался, сказав, что убираться, в отличие от прочего, он умеет. И продемонстрировал небрежным взмахом руки, обратившем в прах груды полугнилой соломы. А прах уже велел смести.

Веничком.

И солдатики, главное, возражать не стали. Сразу и веничек нашёлся, и совок, и план работ. В общем и целом все при деле. А тут надо присмотреть. Некромант, может, и силен, но ведь дорога эта неизвестная. Кладбище. И вообще, если чего приключится, то именно с Трувора и спросят.

– Так а жертву... – начал было Патрик.

– Никто не будет приносить жертву. Так. Осмотримся. Поговорим...

– С кем? – уточнил Трувор.

– С теми, кто не ушёл, если таковые найдутся. Выясним, кто там готов к службе вернуться.

Сзади вновь раздалось дребезжание упавшей лопаты.

– Бежать не рекомендую, – холодно и громко произнёс Трувор. – Здесь некуда. А попытка обернётся тремя днями работы во рву. Ясно?

Нестройное бормотание стало ответом.

Пожалуй, его можно было истолковать как согласие.

– И вообще, нормальный некромант с жертвоприношениями, особенно существ разумных, связываться не станет, – некромант шёл бодро и говорил с воодушевлением. – Это только всякие недоучки думают, что там всё легко и просто. Знаете, такое, когда нашёл на чердаке трактат и сразу возомнил себя великим магом. И пошёл кошек резать.

– Почему кошек? – уточнил Патрик, перепрыгивая с камня на камень.

– Не знаю. Может, в трактатах так написано, может, поверья старые виной, но почему-то все с кошек начинают. Или с петухов. Чёрных. Кстати, кошек тоже выбирают чёрных. Оно, конечно, сперва сила идёт, но крупницы. Потому и хочется кого покрупнее положить. Правда, сила-то идёт мёртвая, чужая. И вот тут человек начинает меняться. Если у него изначально способностей к некромантии нет, то весьма быстро.

– А если есть? – влез Патрик.

– Тогда зависит от того, какие способности. Слабый некромант продержится чуть дольше, но тоже изменится. Да и сильный. Но этому понадобится больше жертв.

– И упырьём станет? – раздался сзади робкий голос. – Извините, господин.

– Да нет, не упырьём. Упырь – это так... это ерунда. А получится живняк, по сути – живое умертвие, когда плоть, отравленная чужой силой, мертва, и местами гниёт, а душа в ней заключена живая. От такого ещё в процессе с ума сходят. Если же сильный некромант... тут есть варианты. В стародавние времена некоторые полагали, что можно таким вот образом переродиться. Обрести вечную жизнь. Плоть нетленную и силу к ней, которая никуда не денется, а наоборот, приумножится. Такие становились личами. Они убивали уже обдуманно, по плану, используя ритуалы...

– Мамочки мои родные...

Трувор оглянулся. Вот надо бы намекнуть, что некоторые темы обсуждать не стоит. Не при подчинённых. Те явно начали отставать, да и оглядывались довольно часто.

– Лич – высшая нежить. Увы, человеческого в нём не остаётся. Он тянет силы и из жертв, и из самого мира. Там, где лич поселяется, земли пустеют. Животных выкашивает мор, да и людям достаётся. Кого-то выпивает лич, а кто-то просто умирает от неведомой хвори. Последнего известного самопереродившегося лича уничтожили около трёхсот лет тому. Тогда-то и был принят запрет на жертвоприношения. Любые.

Тихо стало.

Жутковато.

– А этот... он был кем? Последний? – Патрика разговор впечатлил, но совсем не так, как хотелось бы.

– Он был некромантом. Из рода Наур. На севере обитают. На островах. Обитали.

– Мёртвых? – уточнил кто-то из солдат, заодно осенив себя крестным знаменем.

– Теперь – да, но тогда острова были живыми, – некромант откликнулся весьма охотно. – И весьма плотно заселенными. На них и рыбаки обитали, и китобои. И верфи заложили. На них половина тогдашнего флота построена была. Но в тот год началась война. И эскадра танерийцев подошёл к островам. Множество кораблей.

– Танер, – кто-то сплюнул в сторону. – Чтоб их бездна забрала!

– Согласен, – Трувор кивнул.

Потому что тут сложно не согласиться.

Он помнил эти острова. Начало службы. И первое ответственное назначение, показавшееся таким простым. Всего-то проводить.

Проследить.

Обеспечить охрану.

Он даже не главный, он в числе охранников, но вот выбирали их весьма придирчиво. И оттого Трувор ощущал гордость, что его сочли достойным. Правда те, другие, кто не подошёл, радовались. И это тоже казалось странным.

До тех пор, пока он не увидел Мёртвые острова.

И вправду Мёртвые. Чёрные скалы, при приближении к которым становилось страшно. И ужас зарождался внутри тела, закручивая кишки тугим узлом. И хотелось плакать.

Бежать.

Прятаться.

Он сам не знал, как сумел устоять. Упрямство, не иначе. Отец всегда говорил, что Трувор слишком упрям... тогда оно спасло от позора. Да и в целом позволило выдержать.

Вернуться.

И нажраться уже там, на корабле. Впрочем, он напивался не в одиночестве. А теперь, вспомнив, вдруг снова ощутил тот самый знакомый холод. И страх.

Нет, слабую тень страха.

Совпадение?

Глава 5

О подвигах и их последствиях

*Судя по форме, этот кол мне будут не забивать, а долго
вкручивать, словно штопор в пробку...
Когда палач относится к делу с творческим энтузиазмом*

Тёмная история.

Страшная история. И не знаю, почему она вдруг вспомнилась. Вроде бы и к слову, но... и замолчать не выйдет, потому что мальчишка ждёт продолжения.

Сказать, что я передумала?

Или соврать?

Сочинить?

Не умею я ни врать, ни сочинять. Да и не заслужили Наур лжи. То, что случилось, было не столько их виной, сколько их проклятьем и болью, которую способны испытывать и мертвецы.

– Их маги сотворили туман, который лёг над морем. Он был густым, что кисель, и скрадывал звуки. А ещё погасил пламя Большого маяка. Наур, узнав о тумане, который не развеялся, но к закату велели разводить сигнальные костры, как это было заведено от начала времён. Туман и так опасен, а если уж ночь, то и вовсе.

Голос собственный звучит ровно.

– Огни – это путь для кораблей, для всех кораблей. Это знак, что здесь любой найдёт укрытие. Древний морской закон.

И до того дня никто не смел его нарушить.

– Не важно, в эти минуты нет ни друзей, ни врагов, ибо море одинаково сурово ко всем. И как знать, не придётся ли тебе самому искать укрытия у чужих берегов... потому танерийцы и подошли на расстояние удара. Никто удара и не ждал. Люди просто стояли и смотрели, как выплывают их корабли.

Так рассказывал отец. И мы все, затаив дыхание, слушали.

Казалось, что вот-вот и увидим, как рыщут в тумане хищные галеры, как крадутся они к берегу, тянут тяжёлые туши трёхпалубных судов. И как встают плечо к плечу маги.

– Они ударили без предупреждения, без объявления войны, без... ничего. Огненный шквал пронёсся над островом. Танерийцы не собирались оставлять в живых никого. Там по сей день земля, спекшаяся в камень, – это уже комендант сказал, и в надвигающихся сумерках голос его прозвучал глухо.

– А вы там бывали, тэр Трувор? – мальчишка подпрыгнул, разворачиваясь.

– Бывал, – кивнул он. – Говорят, что тогда танерийцы применили Великий артефакт, Сердце Дракона. Думали, что одним ударом выжгут всех и пойдут дальше. Острова как раз лежали на пути к иным землям. Только не вышло.

– Да, – я подхватила оборванную нить рассказа. – Одномоментная гибель многих людей по сути своей и есть жертвоприношение, пусть и устроенное не Наур. Те были древним родом. И знали, чем оно чревато. А ещё понимали, что будет, если пропустить корабли дальше. Отец рассказывал, что тогда ещё у танерийцев имелись свои некроманты. И не только они.

А слушают внимательно. Солдатики подобрались ближе. И Скотина вернулся, пристроился слева. А Лютик, выбравшийся из очередной щели, не спешит нырнуть в другую. Цокает копытцами рядом.

– Глава рода забрал силу. А после обратил её вовне. Он позвал своих людей. И на зов откликнулись. Они восстали из пепла и камня, уже умершие, но ещё не до конца осознавшие

свою смерть. Уже бессмертные волей его. И пошли на врага. Тьма же легла на воды, и по воле Наур вода стала твёрдой.

Не совсем, конечно, скорее уж вязкой.

Слово Наур. Так это проклятье зовётся. И кстати, не только на воде использовать можно, за пару сотен лет сферу применения прилично расширили, особенно, когда осознали, что в человеке тоже воды прилично. Но потом, в приступе человеколюбия, а может, из страха – во второе верю охотнее – запретили, как и ещё пяток высших проклятий.

Хотя смысл?

Сейчас уже не осталось некромантов, способных повторить нечто подобное. Отец говорил, что его дед мог и показывал, а вот уже мой дед, который отцу папенькой приходился, только частично, в малом объеме способен был повторить. Сам же отец и не пытался. Схему показал. Объяснил основы, а потом взял слово, что пробовать без нужды не стану.

Я дала. Мне не жалко.

– Сложно сказать, что случилось дальше. Скорее всего Наур стал меняться. Поток силы, проходивший через его тело, был слишком мощным даже для некроманта. Да и не пытался он защитить себя. Такие проклятья – это всегда последнее слово... возможно, не справился. Возможно, танерийцев было больше, чем сил. Возможно, что-то ещё... а возможно, просто душа не выдержала, когда близкие начали приносить в жертву себя. Сыновья. Их жены. Дети...

– А их не сожгли разве? – уточнил седобородый солдат.

– Дом некроманта не так и просто уничтожить. Так что нет. Возможно, если бы им позволили уйти, но танерийцы окружили острова. Они стянули всех магов, и отрезали путь к отступлению. Наур знали, что умрут, и сделали свой выбор. Отдали жизни в обмен на месть. И когда умер последний из Наур, тот, кто был главой рода, окончательно перестал быть человеком. Добровольная жертва – это всегда сила и сила великая. Только справиться с такой непросто. Он вобрал её в себя. И обратил против танерийцев. Он поверг их армию в прах, а там и до магов дотянулся, выпил их.

В общем, тех-то не жалко, сами нарвались.

– А что потом было? – Патрик нарушил воцарившуюся тишину.

– Потом... потом острова изменились. Лич никуда не исчез. Сперва он существовал в замке, потом сила его начала захватывать землю вокруг, меняя её. Он выпил те жалкие крохи жизни, что ещё оставались.

Дорога, кстати, стала пошире, и пусть видно, что заброшенная, что не пользовались ею, но при всём том состояние у неё приличное. Если камни поубирать, то и вовсе отличная же дорога. Интересно, куда она тянется? Сомневаюсь, что её конкретно к кладбищу строили. Это уж скорее кладбище разместили неподалёку от дороги.

– Мёртвыми острова назвали, потому что на них отныне жили мертвецы, – комендант вновь подхватил нить рассказа. – Все те люди, которые погибли при нападении танерийцев, вернулись. И дома их, и скот, и птицы. Они все раз за разом восставали на рассвете, начиная тот свой последний день, чтобы на закате сгинуть в кипящем пламени.

А это уже не проклятье.

Это уже результат столкновения двух сил – огненной и тёмной, которые проросли друг в друга и, уничтожая, изменили мир. Отец говорил, что некромантам по сей день запрещено приближаться к островам. Как и огневикам.

На всякий случай.

– Жуть какая! – произнёс Патрик с искренним восторгом.

– Жуть, – согласилась я. – Мёртвыми островами всё так же правил мёртвый Владелец Наур, а его окружала свита мёртвых его родных. Он вернул их, но даже великой силы его не хватило, чтобы сделать мёртвое живым. Однако и отпустить их он не мог. А вот поддерживать это подобие жизни было сложно. И тьма начала расползаться. Ветра уносили с островов кру-

пицы проклятья, и оно забиралось дальше и дальше, захватывало всё больше и больше. Остров ведь сперва один был, окрестные пострадали куда меньше. Есть мнение, что их можно было бы восстановить при желании.

Желания тогда ни у кого не было.

– А когда почти весь архипелаг вымер, тогда на большой земле и спохватились. Поняли, что если тьма доберется до берега, её будет невозможно остановить.

– И?

– И тогда король кинул зов. Он собрал под свои знамёна магов, всех, которые были. В том числе и Каэр. Тогда выступил мой прапрапра... в общем, далёкий предок и его братья, и их дети. Вернулись домой не все. Лич не собирался просто уходить. В его логике мира всё было очень даже неплохо, потому что убивая, он возвращал к жизни, пополнял число своих подданных. Личи, говорю же, иначе мыслят. В его владениях всегда порядок и покой. И каждый подданный знает, что будет. И это всё неизменно. Нерушимо.

– Спаси и сохрани, – кто-то сзади перекрестился.

Ну да, в таких случаях только и остаётся, что на богов надеяться.

– Сражение было долгим и тяжелым. Но лича удалось одолеть.

– Запечатать, – спокойно поправил комендант. – Насколько я знаю, он заперт в замке Наур.

Скорее в его развалинах, потому что замок искренне пытались сравнять с землёй.

– Именно. Уничтожить лича крайне сложно, а такого уровня, какого был Наур и вовсе вряд ли возможно. Так что было создано заклятье вечного сна. Его и обновляют раз в несколько лет. Особая комиссия... полагаю, вы были в её составе?

Комендант кивнул и его явно передёрнуло.

– Сопровождал. Тогда ещё в гвардии числился.

– И как вам место?

Он скривился, но ответил.

– Ощущение, что оно душу тянет. И страх безотчётный.

– Скорее силы. Эхо ещё живо. Поэтому острова и закрыты. И для некромантов с огневи-ками особенно. Слишком уж он отзывается на силу. Но и в целом-то живым там не место. Не рекомендуется находиться дольше, чем час-полтора. Если задержаться, то скорее всего понадобится помощь целителя.

– Так... а если оживёт? – мальчишка был любопытен. – То тогда чего?

– Формально он не мёртв. Точнее не мёртв окончательно. Наур своего рода некромантический парадокс. Но восстать... это вряд ли. Там помимо основного заклятья ещё полсотни сдерживающих. Не говоря уже о патрулях, которые приглядывают за островом.

– Их сократили, – комендант вздохнул. – Лет пять тому. Сочли, что патрули в таком количестве – это нецелесообразное расходование средств.

Что сказать...

Ну да, пара сотен лет прошла, и всё тихо. Только... если вдруг перестанет быть тихо, то средств понадобится куда больше. А с другой стороны, кто я, чтобы в бюджетах государственных разбираться.

– Но ведь... если так-то... он же ж не сам! – воскликнул Патрик и такое искренне возмущение в голосе прозвучало, что я себя вспомнила. Меня ведь тоже задел этот момент. – Тот Владелец! Он не приносил жертвы сам! А запретили...

– Не сам, – я сказала это так же, как говорил мой отец. – Однако сути это не меняет. Да и... дело даже не в нём. Запретили ведь далеко не сразу. Тогда же одновременно началась очередная война с танерийцами, правда, поскольку их флот с войсками полегли, то завершилась она быстро. В той стычке, как позже выяснилось, poleg весь цвет танерийской аристократии, а следовательно, и магов. В том числе некроманты. Их у танерийцев изначально было немного,

да и слабые... у них исторически огневики сильны и земельники. Вот... ну, пока договора, пока восстановление... потом уже стало понятно, что острова – это проблема. Попытки как-то ограничить расширение тьмы. Эпидемии мора... война с личем. В общем, времени это заняло прилично.

Дорога стала ровнее и вверх пошла. Чую, скоро прибудем на место.

– Хуже, что историю эту разнесли по всей стране. Сперва, как пример великой жертвы, самоотверженности и мужества. Потом – тоже как пример, но уже подлости танерийцев, что нарушили древний морской закон. Потом просто пошли легенды и сказы. Только, как оно порой бывает, люди почему-то слышали, не то, что погиб великий род и сотни других людей, а что жертвоприношение даёт великую силу. Вон, вся королевская рать с трудом одолела одного лича. А что эта сила человека в тварь превращает, этого не слышали. Всегда ж так, мол, со мной такого не случится...

Я остановилась и повела носом.

Ветерком потянуло. И не только.

– Начали появляться доморощенные некроманты, те, кто пытался повторить. Только не для защиты земель и людей, а просто так. Сперва одного отловили, потом другого... а на третьем осознали, что это новая проблема. Все ж, кого поймали, твердили, что, мол, не для забавы людишек резали, а чтобы в силах прибавить, защитить родную землю и королю служить верой и правдой. Того это не обрадовало, магов тоже. Тогда и возник запрет. А с нарушителей его шкуру сняли. Причём в буквальном смысле слова и прилюдно, на площади. Для пущей доходчивости.

Сказала. Выдохнула.

И повернувшись к неприметной тропке, что уходила в тёмную плоть скал, добавила:

– Нам туда. Только... – я принялась и не одна я, вон, Лютик насторожился, да и Скотина уши прижал, прищурился, вглядываясь в сумрак. – Вы тут пока постоитте, ладно? Сдаётся, что кладбище это уже занято. И не одними покойниками.

Уж больно аромат характерный.

Глава 6

Где речь идёт о разведке, заговорах и свиньях

*Обои угрюмо молчали, но не вырывались.
Об аномальном поведении строительных материалов.*

До поляны Даглас пробежался.

Вообще бежалось сперва, не сказать, чтобы легко. Всё-таки когда у тебя сперва две ноги, а потом вдруг четыре и ещё хвост, это сбивает с толку. И стоило о ногах подумать, как они начинали путаться, заплетаться, а однажды и вовсе едва ли не узлом завязались. Он и упал, мордой в иглицу.

От обиды взрыкнул. Вскочил.

И галопом полетел по собственному следу, благо, тот яркой нитью протянулся по листве.

Барс.

Он барс?

Снежный?

Как получилось, если и вправду кровь была разбавленной? Старой. Да, матушка рассказывала, что родился Даглас словно пушком покрытый, и это её весьма смутило, она даже заболела от расстройства. И ослабела. И вообще, наверное, из-за пушка и его, Дагласа, инаковости, беременность и получилась такой тяжёлой. Может, поэтому она всегда относилась к нему с некоторой прохладцей? Или это ему сейчас так кажется? В голове каша и сумятица.

А след вывел к полянке.

И в носу засвербело так, что Даглас чихнул.

И снова чихнул.

И попятился. Это не было запахом, скорее уж легчайшей дымкой чужой силы, которая висела над землёй.

– Эй, эй, дружище, с тобой всё в порядке? – Персиваль выскочил на поляну. – Что за... так, меня не жрать! Я лицо, состоящее на государственной службе...

Даглас опять чихнул.

Зубы громко клацнули, а глаза защипало. Магия. Маги, чтоб их да за третью ногу через пень. И главное, он встаёт, башкой мотает, но от раздражающей дымки так просто не отделаться. От очередного чиха в голове зазвенело. Потом звон стал сильнее.

И внутри что-то крутанулось.

И...

– Ну... не в обиду будет сказано, господин капитан, – Персиваль протянул руку. – Но барсом ты был красивше.

– Я... тебя... ненавижу.

– Это ничего. Главное, ты в тапки не ссы, а остальное я как-нибудь переживу.

Даглас вцепился в руку, разгибаясь. Тело снова ощущалось чужим, тягучим. И кости ныли, и мышцы ломило, и шкура чесалась неимоверно. Хотелось прижаться к стволу и потереться, избавляясь от этой дряни, что висела над поляной.

– Они тут какую-то дрянь разбрызгали, – Даглас прижал руку к носу, из которого хлынули-таки сопли, причём жидкие, текучие, самые мерзкие. Голос прозвучал на диво гнусаво. – Или магия... сила... что-то...

– Что-то, что помешает пройти по следу не только собаке? – Персиваль опустил на корточки и, вытащив из кармана очередной платок – запас у него там, что ли? – веточкой

нагрёб в него игл. – Или не совсем простой собаке. Даже не совсем простой и не совсем живой собаке. Что? Каэры некроманты. И собачки у них могут быть весьма своеобразными.

– Угу...

Даглас отвернулся. Сопли... вот нет бы мигрень какая, как у братца, чтоб аристократическая, приличная, с бледностью и томным голосом. Или хандра. На худой конец, чахотка, которая сочувствие вызывает. Сопли у окружающих вызывали лишь раздражение.

Ну и маменька, конечно, начинала вздыхать, что у неё слабое здоровье. И что теперь она точно-точно сляжет от неведомой заразы, которую Даглас снова умудрился притащить. И ведь прогноз обычно оправдывался, она к вечеру ложилась в постель, а на утро требовала послать кого-нибудь за целителем.

Хотя в соплях, справедливости ради, Даглас приходил редко. И дядя ещё когда сказал, что нет от них вреда, что это просто реакция организма на малые изменения.

Кровь вот просыпается, да никак не проснётся.

А теперь вот кровь проснулась, но легче не стало. Вот как из него барс? Правильно. Сопливый. Могучий сопливый оборотень. Смех один.

– Эй, ты чего? – Персиваль оказался рядом. – Я тебя обидел? Если вдруг, ты извини. У меня язык без костей. Знаешь, сколько раз из-за этого нарывался.

И дома как-то повелось, что когда сопли, то Даглас оставался в своей комнате.

Твою мать...

Точнее, её самую. Вот почему раньше это казалось вполне нормальным, а теперь в груди будто ледышка застряла?

– Ну хочешь... не знаю... я тапки куплю? Специально для тебя? Самые большие, какие найду! Или... ладно, демон с тобой! Сапоги! У меня ботфорты есть! Кожаные! Здоровущие! Прям мечта, а не ботфорты!

– Издеваешься? – прогнусавил Даглас.

– Пытаюсь наладить доверительные дружеские отношения. А если серьёзно, то ты в порядке? Может, целитель нужен? Или помощь? Обопрись давай... сейчас потихоньку до лодки дойдём, а там уже в город кого и отправим.

И сказано это было искренне.

И захотелось поверить, что действительно можно опереться. И что его, Дагласа, довезут до поместья. А там и целителя пригласят... но опираться он не стал. Не калека, чай. Как-нибудь так справится.

– Не спеши, главное. Давай, раз ножку. Два ножку. И снова раз-два. Раз-два. Как на плацу, только без суеты. Первый оборот да ещё бесконтрольный, так что, если вдруг чего, то стыдиться не надо. Надо...

– Перси, это сопли.

– Что?

– Сопли! – Даглас высморкался в иглы, правда, легче не стало, потому что нос снова заполнила прозрачная жижа. И прозвучало, главное, «шопли».

Ну да, совсем...

– Сопли – это... что? – обескураженно поинтересовался Персиваль.

– Сопли – это сопли, – Даглас снова высморкался. – Не заразно. У меня и раньше было. Нос менялся, а потом наступал откат.

Дышать ртом и одновременно говорить оказалось крайне неудобно.

– И только? – Персиваль, кажется, не поверил. – Голова не болит? Не кружится? Нет приступа слабости? Ну-ка, сколько пальцев видишь?

– Издеваешься?

– Проверяю, – и голос вполне серьёзный. – Так сколько?

– Два. И не болит, не кружится.

– Нет ощущения, что что-то не в порядке?

– Точно издеваешься. Мы в чужих землях, где-то рядом прячется троица танерийских магов, я барс, а ты придурок. Но в целом всё в порядке.

– А у тебя зубы блестят.

– Чего?

– Рад, говорю. На самом деле оборот и для истинного оборотня вещь непростая. Не все могут, чтобы и туда, и обратно. Некоторые реально едут крышей. Зверь берет верх, и меняй обличье, не меняй...

– У меня не взял.

– И это хорошо. А про органические повреждения не один трактат написан. Серьёзно, Даглас. Когда в одну сторону, то обычно проходит легко, во всяком случае у истинных. Но и они не рекомендуют сразу назад возвращаться, закладывают время на перестройку, чтобы организм успел измениться и к изменениям привыкнуть. А когда в короткий срок и туда, и обратно, тут риск немалый. Не спеши. Ощупай себя. Прислушайся.

И руки потянул с явным намерением приступить к осмотру.

– Вот давай я сам себя щупать буду? – проворчал Даглас, но к ощущениям прислушался. Да нет, вроде ничего такого. Так, голова чуть кружится. В животе бурчит. И сопли никуда не делись. Лютуются тонкими ручейками.

И рот наполнился слюной. Горло саднило. Но в остальном... нет, руки вроде на месте. И пальцы тоже в должном количестве. Шевелятся. Ноги держат. Спина...

– Живой я.

– И хорошо. И замечательно, – по этой самой спине хлопнули от души, так, что Даглас согнулся. – А сопли – делу не помеха... слушай, раз ты теперь на корону работаешь...

– Уже и работаю?

– А чего тянуть? У нас, между прочим, оклад выше. И доплаты всякие полагаются, за вредность.

Оклад – это замечательно. Оклад повыше – это просто отлично.

– Чинами тоже не обижают. И вообще, Даглас, я ладно, я так, в карьерном смысле совершенно бесперспективен, а вот ты, толковый, сдержанный...

– Надо что?

– Надо? А... так вот, может, сразу и начнёшь себя проявлять?

– Если по следу идти, то без меня. У меня сопли!

– Да след – это ерунда, – отмахнулся Персиваль. – Этот не взяли, другой натопчут. Раз уж танерийцы сюда припёрлись, то сами собой не уйдут. Я о другом хотел. Отчёты.

Сказано это было с придыханием и заглядыванием в глаза.

– В смысле «отчёты»? – Даглас носом шмыгнул.

– В прямом. Ты всегда их писать умел. С чувством, с толком. Обстоятельно. Красиво. Моё начальство тебя не раз в пример ставило, только без толку. Если нет таланта, то его нет. Так что раньше я маялся, а теперь ты есть! Разве не чудесно?

– Нет.

Персиваль пропустил сказанное мимо ушей.

– Так вот, напишешь? О происшествии?

Даглас вздохнул и взял протянутый платок.

– Напишу. Если жив останусь. Тут... – он снова прислушался к ощущениям. И представил, как рассказывает Персивалю о том разговоре с герцогом...

Ничего.

Ни тени давления. Клятва исчезла? Вряд ли навсегда, скорее уж временно. Возможно, то зелье, которым его опоили, подействовало. Или оборот? Он ведь меняет кровь, это Даглас

помнил. А что если изменения настолько кардинальны, что и клятва не удержалась? Или всё вместе виновато? Зелья Каэр и оборот? Тогда надо ловить момент.

– погоди, – он придержал Персиваля. – Не перебивай. Не уверен, что у нас много времени. Про Каэр и герцога ты правильно догадался. Или там узнал. Не важно. Но есть ещё кое-что. Их неспроста направили в ту крепость. Танерийцы готовятся напасть. Крепость безоружна. Она падёт.

И если эти маги так нужны короне, то их надо спасать.

Да и не только их. Там, в крепости, и другие люди имеются. Простые солдаты, которым не повезло.

– Подробности не знаю, но герцог был уверен, что танерийцы ударят именно туда. Что крепость специально ослабили, чтобы они прошли. Их встретят уже в горах. Ниже. Во всяком случае должны.

И выдохнул.

Прислушался, внутренне готовясь к удавке на шее.

– Ишь ты... – произнёс Персиваль и нос поскрёб. – Прямо так и рассказал?

– Да... он поэтому Каэр и отправил. Точнее его друзья.

– А имён этих друзей не называл?

Даглас покачал головой.

– Мы не настолько... друзья.

– Ну да, ну да... – и столько сомнения в голосе прозвучало, что прямо шерсть на загривке поднялась.

– У меня была своя роль.

– Окрутить девицу Каэр, жениться и завладеть землями, – кивнул Персиваль. – А у тебя глаза пожелтели. Держи себя в руках. И успокойся.

Это прозвучало довольно жёстко. И Персиваль смягчился:

– Третий оборот за такой короткий период здоровья тебе не добавит. И что куда хуже, если ты вдруг окочуришься, мне точно не видать награды за привлечение в наш клуб неудачников столь ценного тебя.

Стало обидно.

Слегка.

И от обиды ухо дёрнулось. Потом второе.

Даглас сделал глубокий вдох. И выдохнул, усилием воли придавливая тепло внутри себя. Это не дар, это что-то иное, словно клубок из тёплой согретой живым пламенем очага пряжи под рёбра засунули.

– Да, вот так. И дыши. Не позволяй себе срываться. На самом деле оборотни в момент перехода отличаются не только физической, но и некоторой эмоциональной нестабильностью. Но верю, что ты справишься.

– Так говоришь, будто ты с ними дело имел.

– Приходилось. Но и без этого кое-что знаю. Пойдёшь учиться, тебе и про оборотней расскажут, и про эльфов, и в целом... проведёшь несколько месяцев энергично и познавательно.

– Если доживу.

Клятва не возвращалась.

– А есть другие планы? – осведомился Персиваль. И всё-таки взгляд его не отпускал Дагласа ни на мгновение.

– Я клятву давал. На крови.

– Вот это ты зря, конечно, – Персиваль сунул руки в карманы и потянулся. – На будущее избегай. Мало ли, вдруг в следующий раз ведьмы поблизости не окажется?

– Ведьмы? – Даглас коснулся шеи. – Думаешь, она...

– Ну, я, конечно, не оборотень, чтоб по следу пройти, но тоже кое-что умею. Ты моргай активней, а то, знаешь, желтые глаза, они котикам хороши, а у человека странновато выглядят. Не сочти за критику... висела на тебе печать. И такая, которая тьмой пахивала. А теперь вот сгинула, как будто её и не было. Стало быть, помогли. И как раз, когда я прекрасную тэру Нову на лодочке катал.

Даглас моргнул.

И снова моргнул. А пожалуй, прав, плыло перед глазами. Барсом он как-то иначе всё видел. И нормальным оно казалось. Не мешало. А вот в человеческом обличье выходило, будто одна картинка на другую накладывается. Причём обе какие-то рисованные, ненастоящие.

Раздражает жутко.

– Убрали меня, чтоб под ногами не крутился, а тебе здоровьице поправили... что хорошо, очень хорошо. Но ты и вправду аккуратней в следующий раз. Такие клятвы частенько до могилы доводят. Ладно, если отдышался, то пойдём. Дамы там, небось, переживают. А это не хорошо...

– Почему она не предупредила?

– Кто?

– Ведьма.

– Ну... ведьмы, они вообще как-то не склонны предупреждать, – Персиваль пощупал край куртки. – Да и как ты себе представляешь? Мы для них кто? Пара пришлых офицериков с неясными намерениями. Точнее, подозреваю, очень даже ясными. Ваша с герцогом интрига, как бы помягче...

– Не моя это интрига.

– Не важно. Её и интригой назвать сложно. Сколь заметил, то дамы у Каэр разумные, герцог опять же... так что, думаю, два и два они сложили. Вот и решили тебя порасспрашивать.

Это походило на правду.

– А в процессе клятва всплыла. Её и убрали.

– То есть они знают?

– Что ты собираешься девице голову вскружить и семейное имущество к рукам прибрать? Несомненно.

– Тогда... почему?

– Что?

– Почему я ещё жив? И клятву эту... зачем убрали?

– Может, случайно. Может, пожалели дурака.

На сей раз и обидеться не вышло, потому что Персиваль прав, как никогда. Даглас дурак и есть.

– Кто их, ведьм, разберёт-то? Главное, что оно нам в любом случае только на пользу. И поговорить с очаровательной тэрой надо будет. Хотя и не сейчас. Позже. Когда мы узнаем друг друга получше, проникнемся доверием и симпатией. Такое умение, дружище Даглас, оно не просто полезно, оно жизненно необходимо... Что ты меня взглядом буравишь? Взрослые игры, они такие. Никого не щадят, – Персиваль остановился, приподняв ветку. – Твой предшественник уже пару месяцев в могиле отдыхает...

По спине потянуло холодком.

И сердце забилося быстро, часто.

– Дышать! – рывк Персиваля заставил выдохнуть. – И вообще работать тебе надо, дружище, над сохранением душевного спокойствия. А то этак ты и без клятвы долго не протянешь. Работа у нас дюже нервная, а на каждое переживание замучаешься оборачиваться. Эх, я теперь и выпить не могу. Ты только об этом не распространяйся, ладно? А то ведь весь образ пересматривать придётся...

Даглас только и сумел кивнуть.

– То есть вы знали? В смысле, Корона?

– Знать не знали, тут я не скажу... я, чтоб ты понимал, невысокого полёта птица, а потому и доступ к информации имею ограниченный. Там, – он поднял палец и сам поглядел ввысь, с опаской и сомнением. – Другие люди сидят. Умные. Мы им вот информацию собираем, постав-
ляем, а они её сопоставляют и думу думают, чтобы подумав, послать нас в очередную задницу
мира. Где, заметь, чисто случайно оказываются и танерийцы, думаю, такие же, как мы, умни-
ками посланные.

– Коллеги? – не удержался Даглас.

Теперь он вдруг ясно понял, что клятва исчезла. И что дышать стало легче. И в целом-
то краски мира сделались ярче, и запахи.

Сама жизнь.

Ощущение, что клятва эта высасывала силы, а он и не замечал.

– Вроде того. Так вот... где-то с полгода тому у герцога ат Доннах, до того пребывавшего в
обстоятельствах весьма стеснённых, появилось золото. И в таком количестве, что это не могло
не вызвать вопросы. Он закрыл долги. И вернулся в клуб, где ему в последнее время были
не рады. А там – и за игровой стол присел, где не стеснялся делать ставки. Приобрел весьма
перспективного жеребца...

А Дагласу жаловался на тяжёлую жизнь и отвратительную купеческую натуру кредито-
ров, которые не желают понять, что у человека благородного могут быть свои жизненные обсто-
ятельства, мешающие ему думать о такой невыразимой пошлости, как долги.

– Само собой, это привлекло внимание, особенно с учётом того факта, что наследство
герцог не получал, за карточным столом удачу не ловил, в делах серьёзных, способных прино-
сить доход, и вовсе замечен не был. Зато вдруг стал проявлять повышенное внимание к воен-
ным...

Персиваль осторожно снял с ветки длинную нить с повисшим на ней комочком-пауком
и перевесил на другой лист.

– Что? Живая тварь. И весьма полезная, пусть многие и не любят... так вот, герцог вдруг
обзавёлся большим количеством друзей, преимущественно из тех, кто состоит на военной
службе. И не только на военной. Живо начал интересоваться делами государства, политикой.

– Погоди... да, с полгода тому мы с ним и познакомились. Вернее, мы были знакомы и
прежде, но...

– Он тебя не замечал?

– Да, – согласился Даглас. – А как-то сам подошёл, завёл беседу, пожаловался на одино-
чество.

– И ты, прекрасно понимая это чувство, откликнулся. Вы выпили. Потом тебя пригласили
на маленький вечер для своих, военных...

По спине пробежали мурашки.

– Потом одно дельце и другое... за которое тебе платили.

– Я не совершал ничего такого, что шло бы в разрез с честью офицера, – резко оборвал
Даглас.

– Именно поэтому с тобой беседую я и в лесу, а не палач в подземельях, – Персиваль
щёлкнул по листочку ногтем. – Или думаешь, мы тут всех, кто в заговоры вляпывается, на
службу приглашаем?

– Нет. Я не... не знаю, – вынужден был признать Даглас. И снова уши зачесались.

Дышать.

И злиться нечего, потому что действительно сам виноват. Он ведь искал возможность
продвинуться, если не в гвардии, то в иных войсках, куда можно было бы перейти с повыше-
нием чина. Только таких желающих много. И нужна поддержка, чтобы получить более-менее
приличное место.

Герцог показался отличным вариантом.

Так что сам Даглас в это дело влез. Исключительно сам.

– Да ладно, у тебя репутация отменнейшего чистоплюя, хотя и карьериста, – Персиваль снова хлопнул по спине. – А что оказывал мелкие услуги... так, я тебя не удивлю, сказав, что все так делают. Точнее по-разному. Кто-то, как ты вот, помогает отпрысков по домам терпимости искать или из дурных компаний вытаскивать, девиц сбежавших ищет и родителям возвращает или частные уроки фехтования даёт. А кто-то, если титул более-менее приличный имеется, по гостиним ходит, вечера там посещает поэтические да театральные. За отдельную плату. Или вот берется девиц на танцы приглашать, из тех, которые красотой не вышли.

Про это Даглас тоже слышал.

– Между прочим, у иных вся бальная книжка расписана. И цена твёрдая. В итоге пяток девиц оттанцуешь, уже, глядишь, и отдохнуть можно.

– Я таким не занимался.

Хотя... Дагласу и не предлагали. Титула у него не было, а чин капитана он получил недавно. И третий сын затрапезного барона – не та птица, которой будут за внимание платить.

– Именно. Как и дуэлями на заказ. Или чем похуже... герцогу бы на это внимание обратить, но он, как многие не очень умные люди, считает себя самым прозорливым. Тем паче ситуация у него возникла непростая... скажем так, другой его постоянный партнер, которого, как полагаю, он и планировал использовать, скончался. Время поджимало. Вот и пришлось выбирать из того, что есть.

– А был я?

– Не только. Но ты, дружище Даглас, повторюсь, и наивен, и порядочен. Самое оно, чтобы воспользоваться.

Неприятно.

Но правда.

– А тот, кто... который скончался? Это не вы?

– Это мы. Точнее мы решили его расспросить. В неформальной обстановке. Он любил один бордель. А в борделях, если ты не знал, всегда можно уединиться, но не факт, что это будет то уединение, на которое ты рассчитывал.

– Я не посещаю бордели.

– И это, кстати, тоже бросается в глаза. Слишком правильные люди поневоле вызывают неприязнь. Начинаешь думать, что же с ними не так-то. Но я не о том. С твоим предшественником работал отличный специалист, менталист высочайшего уровня.

Дагласа передёрнуло.

– И он уверял, что сперва всё шло по плану, ему удалось заменить образ в восприятии... что? Ни одна клятва не даёт полной гарантии. Так что шансы были неплохие, а клиент и сам бы не понял, что проговорился. Решил бы, что говорит с клятводоверителем. Соответственно, и клятва не сработала бы. Но здесь, увы, не вышло... в какой-то момент связь разорвалась.

И тот, кто должен был ехать обольщать прекрасную эльфийскую деву, умер в борделе. А Даглас получил такое замечательное предложение.

– А поскольку процесс был уже запущен, герцогу пришлось действовать быстро. Но я рад, что получилось так, как нужно.

– А если бы ведьма не сняла клятву?

– Ну... – Персиваль пожал плечами. – Я бы очень огорчился. Честно.

Что ж, ну хоть кто-то бы огорчился. Уже утешает.

– То есть вы знали? Про... заговор? Про танерийцев?

– Как бы тебе сказать. Знать-то знали, но сугубо в общих чертах.

– И крепость... остальные мальчишки? Их спасут?

И чего Персиваль смотрит так странно.

– Видишь ли, дружище Даглас... моё начальство пока считает целесообразным наблюдать.

– И списать их всех там? С крепостью? Пропустить войска танерийцев и остановить внизу?!

Почему-то стало ещё более тошно, чем после беседы с герцогом.

– Тихо! Ну вот надо тебе с самообладанием работать. Тут как бы... понимаешь, Каэр был из наших. Это информация весьма закрытая, но раз уж мы тут, то тебе знать надо. Соответственно, говорю на всякий случай, и к семье его у нас относятся с большим уважением.

– Тогда почему...

– Потому что моё начальство, кстати, отныне и твоё тоже, почему-то уверено, что детишек его спасать не надо. Но на всякий случай всё же отправили туда архимага.

Архимаг?

Это что-то из легенд. Из далекого славного прошлого, в котором по землям бродили чудовища невиданной силы. С которыми сражались маги, соответственно, тоже невиданной силы. Уже лет двести официально не было никого, кто сумел бы преодолеть порог Гранд-Мастера.

– Я и не знал, что у короны есть Архимаг, – произнёс Даглас, смешавшись.

– Конечно. Тебе и не положено, – Персиваль широко улыбнулся. – Было не положено. А теперь вот знаешь. Так что успокойся. Есть. Точнее совсем скоро придёт. Вот он и присмотрит, что за крепостью, что за детишками...

– А мы?

Архимаг – это... это серьёзно. Настолько, что как-то вдруг и полегчало. Это если... если как в легендах... горы сомкнёт, закроет проход и всё.

– А мы тут останемся. Ты вот дыши глубже! Оглянись! Какая красота вокруг! Сосны, березы, свиньи...

При чём тут свиньи, Даглас не очень понял. Но на всякий случай кивнул.

Может, у разведки к свиньям особое отношение.

Глава 7

В которой подвиг находит героя

Дело в том, что конкуренты – это организация противоположная нашей
Вся правда о конкуренции

Тропа протискивалась меж скал. Гладкие стены подымались влево и вправо, уходя как-то совсем уж неприлично вверх. И где-то там, в разломе отливавшем бархатный небесной синевой, виднелись звёзды. Ощущение, что кто-то огромный, может, великан, а может, и кто-то из Древних, рубанул по скале огромным мечом. Та и раскололась, разошлась немного, но не до конца.

И такое неприятное чувство возникло, честно говоря. Будто стоит сделать что-то не так, неправильно, и этот скальный раскол затянется.

Ну а меня сплющит.

Но запах становился сильнее. Вон и Лютик замер, нос его будто больше стал, а кончик зашевелился, перебирая нити запахов.

Я тоже остановилась.

Прикрыла глаза.

Нежить. Крупная. Старая. И давно на кладбище обретается, вот и провоняло ею всё, а за пределы не выходит. Почему? Я тронула скалу, прислушиваясь. И принюхиваясь. Нет, не выходит, иначе метку бы оставила.

Это они любят.

– Фра, – сказал Скотина и, наклонившись, потёр морду о колено.

Ага, погань какая-то.

Скотина обернулся и я с ним. Комендант. И почему я не удивлена.

Главное, суров, глядит мрачно и сосредоточенно. Сразу видно, человек морально к подвигу готовится. Нет, я не против совершенно. Я давно научилась не мешать людям в их устремлениях. Но на всякий случай поинтересовалась:

– А вы тут зачем?

– Помогать, – сказал комендант и брови сдвинул. Грозно так. – Я маг.

– Я тоже, – я повела носом. – Некромант.

– Помню. И поэтому не могу отпустить вас вот так, без прикрытия.

А, ну если так, тогда ладно. Как-то прикрытия мне ещё никто не предлагал.

– Что там? – тэр Трувор указал на тропу.

– Кладбище.

– Но не только?

Ишь, какой прозорливый.

– Нежить ещё, – сказала я, глядя с интересом. Обычно людей одно упоминание о нежити заставляет вздрагивать. Некоторые и креститься начинают, и озираться, проверяя, не прям ли здесь, за спиной, упомянутая нежить находится. Но тэр Трувор лишь брови ещё сильнее нахмурил и челюсть вперед выдвинул. Наверное, это что-то да значило.

– Мы должны отступить, – сказал он сурово.

– Зачем?

Воняло, конечно, изрядно, и тварь давняя. Но кладбище, как я поняла, пару лет как заброшено. А значит, свежих захоронений нет. А где нет свежих захоронений, там нет вкусной мертвечины на ужин или скорбящих родственников, которые, хоть и живы, но на ужин тоже годятся. Нежить, она в целом не привередлива, если так-то.

– Вернуться в крепость. Собрать ударную группу, – тэр Трувор сжал пальцы в кулак. Долго.

Пока туда. Пока собрать. Пока порядок в этой группе навести. А там ещё этот ревизор припрется не ко времени, как оно всегда бывает.

– Да ладно, – я поглядела на тэра Трувора, который косился в тёмный проход с опаской. – Я ж некромант. Я сам себе ударная группа. Сейчас быстренько всё...

Запах вдруг изменился.

И Скотина нервно топнул, потом оскалился и зарычал.

– Тем паче в крепость уже не успеем, – я поняла, что вариантов у нас не осталось. – Да и ходить никуда не надо. Оно само идёт. Лютик, давай ты куда-нибудь денешься?

А то химера химерой, но уж больно несерьёзно он выглядел. Я бы и коменданта убрала, да, чую, он не согласится. Во всяком случае, что свин, что тэр Трувор поглядели на меня одинаково – с молчаливым упрёком в очках.

– В засаду, – уточнила я. – Чтоб, если вдруг что не так, ударить сбоку. Ладно?

Лютик тихо хрюкнул, топнул копытцем и исчез.

– Я не уйду, – тэр Трувор вытащил короткий меч. Я хотела ответить, но не успела. Сперва донёсся звук. Характерный такой шелест и мелодичный перезвон железных игл, не оставляющий места дальнейшей интриге.

– А тут руды вокруг богатые, – сказала я, вытягиваясь и шурясь в попытке разглядеть хоть что-то. Конечно, бесполезно, сумерки сгустились, скалы почти сдвинулись, и тень между ними стала плотной, что вата.

– С чего вы взяли? – комендант весьма удивился этакой перемене темы.

– Ну... слышите? Шелестит – это чешуя трётся, а позвякивают иглы. Скальник их на десятом году жизни отращивать начинает. Сперва он чешую делает, выплавляя местную породу, а уже потом и иглы.

– Т-твою ж, – не сдержался комендант и покрепче вцепился в меч.

– Ага, – согласилась я ради поддержания беседы. Тварь не спешила. Она явно учуяла гостей и теперь, движимая опасением, что особо ценные мы сбежим, пыталась обойти поверху. Ну, чтобы потом выскочить и выпрыгнуть, отрезая нам путь к отступлению. Я решила не мешать. Пусть прыгает. А я как раз место подготовлю, для приземления. – И уже потом, достигнув взрослого размера, он иглы формирует. Не знаю, почему, но там обычно металлы оседают, если они есть.

А поскольку скальник водится в горах, как оно следует, то металлы обычно есть.

– И чем богаче руды, тем перезвон чище. Слышите, какой звук? Ясный, красивый.

– Вы издеваетесь? Я поставлю щит...

– Не дёргайтесь.

– Что?

– И наверх не смотрите.

Комендант дёрнулся, но наверх не посмотрел. А я поспешно пояснила:

– Он нас обходит. Собирается напасть со спины и погнать к кладбищу. А если спугнёте, он сам полетит к выходу. Скальники, конечно, не особо любят от нор уходить, но иногда могут. А там люди.

Тэр Трувор весьма заметно побледнел.

– Тихо, – я перехватила руку. – Скальник – тварь крупная, но тупая до крайности. Пока он видит нас, других искать не станет. А он видит. Он чувствует. Он нас уже сожрал. Мысленно.

Сомневаюсь, что он способен мыслить в принципе, там черепушка такая, что всё в кость ушло. А мозг крохотный, на две извилины.

Но тем и лучше.

– Где? – шёпотом поинтересовался тэр Трувор.

Я скосила глаза и медленно, чтобы не спровоцировать тварь, указала.

– Вон там... видите? Прямо на скале.

Он посмотрел, сглотнул. И так же медленно, осторожно кивнул.

– Это дракон?

– Да ну. Обычный скальник. Просто здоровый. Они вообще чаще на шахтах заводятся, особенно, если начинают заброшенные не по назначению использовать. Скажем, людей хоронить или скотину. Но скотину чаще жрут, даже павшую. А кости остаются. С людьми хуже.

Вот сколько раз говорили, что нельзя хоронить на неосвященной земле. Но нет, всегда находится кто-то, кто думает, что если в стороне и молитву прочесть, то уже всё. А потом сам же громче всех удивляется, как это вдруг всякое разное и завелось.

– Мелкие, они навроде ящерок. Ну, покрупнее, конечно. С кошку где-то. И шкура тонкая. Вот скальники и прячутся. Жрут падаль всякую. Могилы раскапывают. А дальше растут. И чем здоровее, тем наглее.

Этот и вправду вымахал прилично.

Вон, морда вытянутая, крокодилья, а шея коротковата. Я, конечно, живых драконов не встречала, но матушка, которая моя личная, приносила трактат. Так вот, если верить картинкам, настоящие драконы длинношеие. А у этого – прям за башкой плечи начинаются, от башки даже не шеей – пухлыми складочками отделенные. Лапки тоже крокодильи, короткие, но мощные. Когти у скальника, как и иглы, металлом укрепленные, камень пробивают хорошо, уходят глубоко, что и позволяет этой туше на стене висеть.

Распластался он прилично так. Вон, хвост даже свернуть пришлось, чтоб не свисал. Иглы подобрал. Если б не размер, глядишь, и слился бы с пейзажем. Но вот даже в сумерках не заметить огромного крокодила на стене было сложно.

– Потом уже, заматерев, и на людей охотятся, – завершила я, закончив заодно уж и сеть выплетать. – Вы ж по воздуху специализируетесь, да?

– Да, – скальника тэр Трувор разглядывал с прежней же мрачной решимостью. Ну да, непросто из человека готовность к подвигу выбить.

– Ага... тогда план такой. Вы силу чуть выпускаете, чтоб он почуял. Нежить магов особенно любит. Питательные мы. Ну, большей частью. А я прикроюсь. Если исчезнем оба, он в волнение придёт. Но если кто-то останется, то про второго скальник и не вспомнит. Так что вы станете основной целью.

Кивок.

И возражать не собирается. Вот. А будь тут Карлуша или кто другой из братьев, точно не обошлось бы без споров и предложения тянуть жребий.

– Сделайте вид, что его не видите и медленно так пройдите вон туда, – я указала на массивный валун. – А как дойдёте, так и шибаните в него чем-нибудь.

– Чем?

– Не знаю. Чем-нибудь таким, могучим. Если получится сшибить, то и ладно, а нет...

Заклятье моё растеклось по земле, поползло, растягиваясь поперек прохода. А ведь шкура у скальника красивая. Чешуя каменная, но мелкая. Ещё и любят они, чтоб блестело, оттого и натирают об окрестные скалы. Не шоссы, конечно, но глядишь, Карлуша и не станет привередничать.

– Главное, встряхните. Ну или выманите, а дальше уже я сам.

Что-то, вижу по глазам, мне не слишком поверили.

Тэр Трувор губы поджал.

Брови нахмурил паче прежнего, ещё немного и на лбу вмятина образуется, но кивнул. Крепкий, однако. И заметно, что в мои силы он не верит, но камень стоит поперек прохода, а за ним те самые люди, которых тэр Трувор собирался защищать.

– Идти? – уточнил он.

– Идите. Скотину вон возьмите...

Он покосился на коня, а тот на коменданта, но вздохнул и положил морду на плечо. Несмотря на характер, Скотина совершенно точно знал, когда можно выпендриться, а когда мы работаем.

– Зачем? – коня тэр Трувор погладил.

– На всякий случай. А то уж больно тварь здоровая...

И запах этот вот, резкий, меня смущает. Слишком он ядрёный для твари, которая долго голодала.

Скотина подтолкнул коменданта в сторону камня. Правильно, а то скальник вон извернулся и начал раскачиваться, что явно указывало на готовность напасть. Вот пусть и нападает.

Тэр Трувор шёл к камню с гордо поднятой головой и шагом чеканным, прям как на параде. И добравшись, крутанул пальцем, создавая вихрь.

И ещё один.

Скальник, увидев этакое великолепие, дёрнул хвостом, и мелкие камушки посыпались по стене. Пасть приоткрылась, из неё потянулись ниточки слюны. Скальник выгнулся, пытаясь не упустить добычу из виду, и от напряжения даже свистнул. Вытащив лапу из-под тела, он осторожно поставил её на камень.

Когтями примерился, проверяя новую опору на прочность.

Вихрь затанцевал.

И я увидела, как скальник раздувает зоб, втягивая воздух. Значит, на выдохе попытается окутать жертву ядом из горловых желез. Нет, вряд ли дотянется, расстояние всё же приличное, но жалко, если успеет опорожнить мешки. Тэр Трувор добрался до камня и поднял руки, стягивая воздух, завивая его вокруг пальцев.

Тварь, которую манила близкая сила и перспектива потенциального ужина, вытянулась ещё сильнее, удерживаясь на отвесной скале едва ли не чудом. Ну и чешуёй, которую раскрыла. Мелкие на брюхе, чешуйки впивались в породу, цепляясь за камень, и потому брюхо казалось приклеенным. А вот спина – дело другое. Тут чешуя плотная, крупная и выглядит монолитной. Но сейчас по монолиту поползли трещины.

Ещё немного.

Ещё...

Я затаила дыхание.

И кажется, не только я. Зоб медленно наливался краснотой. Лиловые нити воздуха натянулись до предела, и заклятье в руке тэра Трувора замерцало, готовое сорваться к цели. Чешуя почти раскрылась, и спинные шипы скальника поднялись, обнажая подхребетные полосы мягкой кожи.

Отлично.

– А что вы тут делаете?! – звонкий мальчишеский голос заставил тварь повернуться и резко, так, что скальник утратил опору. Массивная туша его со скрежетом поехала вниз, шипы прижались к спине, превращаясь в щит из камня и стали. От резкого этого движения скальник выдохнул, точнее выплюнул содержимое зоба, которое окутало его фигуру зеленоватым облаком. А затем облако рвануло навстречу Патрику. Ладно, не рвануло, а медленно потекло – недозревший газ был тяжёлым, тягучим и оседал на камнях блестящей кислотной плёнкой.

– Скотина! – мой вопль, пожалуй, был слышен и по ту сторону гор.

– Патрик! – но рёв коменданта перекрыл и его.

Скальник, тоже собиравшийся заорать, как и положено серьёзной твари перед нападением, поперхнулся и закашлялся, выплевывая новые ошметки газа. Впервые вижу, чтоб нежить кашляла. Причём от кашля она съезжала ниже и ниже, оставляя на камне глубокие борозды и нелепо взмахивая конечностями в попытке зацепиться и остановить падение. Чешуя снимала с камня стружку, замедляя скольжение твари, звенели и хрустели, ломаясь, иглы. А следом за

скальником сползало сотворенное им кислотное облако. Дым продолжал сочиться из ноздрей и пасти, правда, накрывая уже не добычу, а чешую, что, кажется, скальника не очень обрадовало.

Но дыма было много. И он пусть неспешно, но сползал к тропе, грозя накрыть её и стоящего посреди прохода мальчишку.

Твою ж...

Скотина в два прыжка оказался рядом с Патриком и, привстав на дыбы, дунул.

– Ух ты... – мальчишка заворожённо проводил взглядом струю белого пламени. – Дракон! Всамделишный!

Перевёл взгляд на скальника и выдохнул с восторгом:

– Два!

Вот и близко не похож.

Сотворённое Скотиной пламя столкнулось с остатками газа, и тот вспыхнул. Весело так, с искрами, треском и чёрным дымом, что моментально затянул проход. Правда, я ещё увидела, как Скотина, в очередной раз поправ все законы анатомии и здравого смысла, ныряет, просовывая морду мальчишке между ног. И тут же вскакивает, закидывая Патрика на спину.

Грохнули копыта.

И зазвенело, задребезжало эхо. А я выдохнула. Нет, потом найду и самолично уши оборву, но это потом.

– Чтоб... – донеслось с другой стороны, и воздушный вихрь всосал дым.

А следующее заклятье приподняло несчастного скальника, который наконец съехал к подножию горы и озирался, явно пытаясь вспомнить, где находится и зачем вообще сюда выполз. Говорю же, твари могучие, но тупые до крайности. Вот когда его дёрнуло, скальник тоненько взвизгнул. Комендант же, то ли не удержав заклятье, то ли на нервах, тварюгу уронил.

Та и грохнулась.

Пусть с высоты небольшой, но и этого хватило, чтобы несчастный скальник распластался на земле, прижав чешуйки к шкуре. Только кончик хвоста нервно подёргивался.

– Эй, – окликнула я его. – Цыпа-цыпа...

На длинной крокодильей харе появилось выражение недоуменное и даже обиженное. Ну да, как-то оно некрасиво. Какая это цыпа?

– Гули-гули? – предложила я вариант. Скальник тяжело приподнялся и отряхнулся.

– Кис-кис?

Он рыкнул и ударил хвостом по боку.

Ишь ты, какие мы капризные. И то не так, и это.

– Эй, – коменданту надоело стоять молча. И окрик он подкрепил воздушной затрешиной, которая аккуратно пришлась по затылку твари, решившей аккуратно в этот момент грозно приподняться. В итоге тяжёлая морда нырнула вниз, нежным рылом в камень.

Печальный вой огласил окрестности.

Скальник подпрыгнул, тряс башкой. Хвост его метнулся вправо и влево, ударяясь о камни прохода, высекая яркие искорки. Ага, и кремния в округе много.

Нет, классная эта штука – горы! И начинаю понимать тэру Урсулу с её любовью к путешествиям! Новые места! Новые люди! Новые твари!

И впечатления.

В том числе у тварей.

Крутанувшись, скальник отыскал обидчика и, грозно рыкнув, привстал и сделал новый вдох.

– По харе лупите! Не дайте ему выдохнуть! – крикнула я.

А то ж этак железы совсем пустыми сделаются. И спешно стряхнув с пальцев новое плетение, швырнула под ноги скальника.

Глава 8

О нежити, проблемах оборотней и иных важных вещах

*Испанец, занесший саблю над его женичиной, опустил ее на его голову, отрубив ее напрочь.
О недостаточно галантном обращении некоторых испанцев с отдельно взятыми женичинами.*

Помнится, в далёком детстве Трувор мечтал о подвигах.

Чтоб как в книге.

Дракона одолеть. Девицу спасти. И чтобы все восхищались и восхваляли. Что ж, порой мечты сбываются, но чаще всего именно тогда, когда понимаешь, что не очень-то оно и надо было. И вообще всё как-то иначе представлялось.

Ни лат.

Ни копья.

Конь, если это можно было назвать конём, куда-то ускакал, а вместо принцессы виднелся мелкий некромант. А вот дракон наличествовал. Он поднялся, отряхнулся так, что стальные шипы на хребте зазвенели и поглядел на человека. Там и вовсе развернулся, явно намереваясь с Трувора спросить за нанесённые обиды. И главное, сам Трувор где-то дракона даже понимал.

Вот что это за «кис-кис»? Или вообще «цыпа-цыпа»? Где уважение?

Тварь приоткрыла пасть и коротко рыкнула. А потом снова начала раздуваться.

– По харе лупите! – крикнул некромант. – Не дайте ему выдохнуть!

Трувор мысленно поклялся себе в следующий раз мечтать аккуратней, а то ведь не приведи Всевышний исполнится. Воздух, подчиняясь его воле, сгустился, сжался до плотного, ощутимого под пальцами комка, который Трувор подкинул и сам, в приступе глупейшего – взрослые люди так себя не ведут! – азарта, швырнул с криком:

– Лови!

И главное, дракон услышал.

Понял.

Клацнули челюсти, перехватывая шар. И тварь глотнула. Икнула.

Икнула снова.

И тонкая оболочка шара растворилась.

– Ложись! – Трувор упал на землю, осознав, что забыл предупредить некроманта. Сверху грохнуло и как-то так, со всхлипом, что ли. Над головой что-то просвистело.

Шмякнуло.

Раздался влажный всплеск.

Следом резко завоняло.

– Вот знаете, – голос некроманта был полон печали. – А давайте вы в следующий раз просто в сторонке постоите, а?

Трувор поднялся.

Ну... что сказать. Он, кажется, слегка переборщил с зарядом силы.

– Она здоровой казалась, – произнёс он, чувствуя, что краснеет. Благо, вокруг темно и ничего не видно. Ни его красноты, ни кишок твари, которые раскидало прилично так. Вот прилипший к скале хвост заметен. Но на него можно не смотреть. – Я и подумал, что надо побольше силы вложить.

– Ага, – некромант подошёл к остаткам туше, которую практически разорвало пополам. Ну, не совсем, чтобы пополам, даже скорее на части, но это же мелочи. – Не думал, что воздух на такое способен.

– Если сперва сжать большой объем в малый, а потом резко убрать оболочку, то происходит стремительное возвращение к исходному объёму с выбросом энергии.

– Вашим выбросом энергии его кишки по всей округе разметало, – некромант наклонился и поднял что-то мелкое и вида отвратного. – А железы теперь где искать?

– Какие?

– Ядовитые. У матерого скальника в зобу железы есть. Они вырабатывают жижу, та копится, а потом, смешиваясь с воздухом, и образует газ, который вы и видели. Между прочим, из этой жижи много чего полезного сделать можно.

– Ну, извините.

А в мечтах принцесса преисполнялась благодарности и сама бросалась на шею Трувору, покрывая его поцелуями. Потом, по мере взросления, поцелуев становилось больше, а в принцессе проявлялось некоторое сходство с очаровательной Анни, дочкой булочника. И порой дело заходило куда дальше поцелуев.

А главное, никаких там кишок.

Желез.

И прочего.

– Я вообще-то опасался, что он вас сожрёт.

– Скальник? – удивился некромант. – Подавится. Говорю ж, они здоровые, но тупые.

Он вздохнул и поднял шматок мяса, прилепившийся к длинному искривлённому шипу.

– И шкуру попортили...

Да уж, в мечтах принцессы благодарнее. То ли потому что принцессы, то ли потому что мечты. А от некроманта он, кажется, простого «спасибо» не дожждётся.

– А вы как его убивать собирались?

– Я... да вот, – некромант провёл рукой, и из земли поднялись тонкие нити. – Это парализующее заклятье. Пара секунд и тварь застывает. Остаётся подойти и ударить клинком в глаз. И гуманно, и шкура целая... да ладно, не расстраивайтесь. Я на первой охоте со страху чёрной смертью так влупил, что и болотник, и всё болото в тлен обратилось.

– Я не расстраиваюсь.

Просто... просто получается, что Трувор не спасал, как ему представлялось, а вовсе даже мешался.

– А потом ещё как-то на стаю мерзляков напоролся. В старом замке. Туда отца моего пригласили, чтобы глянул. Что-то в подвалах то ли выло, то ли скреблось. Ну, беспокоило людей, – некромант носком сапога подкинул кусок оторванной лапы. – Отец тогда и отправил. Сказал, что я большой уже и сам могу поработать. Я ж тоже думал, что большой и сам могу.

– И вижу, что смогли?

– Пришлось. Полез, а там ведь замок не просто старый, он древний. И подвал один, потом другой, потом третий винный, четвертый... а там и катакомбы. Ну, а в катакомбах и мерзляки. Это вроде крыс, только покрупнее раза в два. И силой одарённые. Холодом. Когда стая мелкая, то справиться с ними легко, – некромант, опустившись на корточки, заглянул в пасть. Точнее в то, что осталось, потому что нижнюю челюсть разворотило полностью. – А вот когда крупная, тут уже сложнее. Эти в катакомбах жили давно, там потом нашли проходы, вели к тропам горным. Они и выползали. Охотились... ну, как повезет. И мне обрадовались, как родному. А я, как увидал, что стены льдом затягивает, причём плотненько так, так и понял, что сейчас будет плохо.

Он пошатал зуб.

– Кстати, надо будет выдрать. И иглы. Металл хороший, Килли чего-нибудь да сотворит. Это, конечно, не камень, но тоже неплохо. На починку големов, например, пустить можно.

– Нечего там чинить, – признался Трувор. – Так что с мерзляками?

– Ну... у меня тогда со страху спонтанный выброс силы случился. И не осталось ни мерзляков, ни их останков... а жаль, их шкуры ценятся, особенно на юге. Охладительные плащи выходят. И мешки, и целые шкафы для продуктов. И в целом-то многое шьют. Мне Карлуша эти шкуры потом полгода вспоминал.

А всё одно, принцесса была бы благодарней.

Но где ж её взять-то?

– Ладно, с этим потом разберемся, – некромант, оставив в покое зуб, поднялся. – Идём.

– А люди?

Он оглянулся и крикнул:

– Лютик! Во, его возьмите. Скажите, чтоб ждали. На тропе точно безопасно, а Лютик, если что, присмотрит и знак подаст. А кладбище следует нормально проверить. Конечно, вряд ли кто ужился бы с скальником, но...

В этом был свой резон.

– Я могу и один на кладбище, если...

– Нет, – Трувор покачал головой. – Я настаиваю.

– Почему? Я справлюсь.

– Не сомневаюсь, но... вдвоём всегда проще.

Некромант выразительно поглядел на тушу.

– И вообще, – Трувор нахмурился. – Я ваш командир, поэтому будьте добры не спорить.

– Да я и не спорю.

– И дождитесь...

– Дождусь.

– А свинью...

– Возьмите. Он хороший.

Свин поднял голову, глаза его в темноте светились красным, из пасти свисал шмат мяса, который Лютик старательно пережёвывал.

– Возьмите, возьмите, – сказал некромант и, присев, почесал за ушами. – Люди у вас какие-то беспокойные. Ещё надумают себе чего, сбегут. А оно вам надо, потом их по горам искать?

Трувор подумал и согласился, что ему это совершенно не надо. К счастью, вся четверка обнаружилась именно там, где её и оставили. Разве что люди сбились в кучку и замерли, выставив перед собой лопаты.

– Это я, – сказал Трувор и светляка сотворил. Всё-таки темнело в горах быстро. – Держите.

– А там... чего? – робко поинтересовался один. – Громыхало-то крепко...

– Уже ничего, – Трувор сотворил ещё одного, которого прикрепил к черенку лопаты. На пару часов хватит. – Тварь была. Больше нету. Так... ты.

Он ткнул в ближайшего.

– За старшего. Стоять. Ждать.

Трувор оглянулся на свинью, которая села прямо посередине дороги, отрезая солдатам путь к отступлению. Кусок мяса стал поменьше, но жевать Лютик не прекращал.

– Если что, кричите, – сказал Трувор и подумал, что вот этого, пожалуй, не стоило говорить.

Совершенно точно не стоило.

Солдат икнул. А Лютик, приоткрыв рот, ответил:

– Хрю!

Наверное, это можно было считать согласием.

Некромант обнаружился там же, где Трувор его оставил. Мальчишка сидел на корточках и что-то пытался выковырять из зловонной кучи.

– Не сбежали?

– Пока нет.

– Если там Лютик, то и не сбегут.

Некромант выпрямился, пряча что-то мелкое в карман. Даже думать не хотелось, что именно.

– Кстати, ваш конь куда-то исчез, – счёл нужным предупредить Трувор.

– Не переживайте, вернется. И мальчишку он не уронит. И не отпустит. И от твари любой уйти сумеет, если вдруг.

– Это хорошо, – Трувор вытер руки о штаны и поморщился – ладонь скользнула по чему-то влажному и осклизлому. – А почему он огнём дышит? Нет, я понимаю, что химера, но... это как-то чересчур, право слово.

Некромант сунул пальцы в рот и коротко свистнул. Потом ещё два раза. И тональность свиста отличалась.

– Это чтоб он возвращался. Скотина... ну, он такой, какой есть. Эльфы сделали. Точнее не сами... в общем, их земли граничат со степями, а в степях – шаманы, нежить, нечисть и прочие жизненные неудобства. – О! Зубик! Чисто выбило! – некромант наклонился и поднял здоровый клык, который тут же вытер о рукав куртки. – Смотрите какой! Ровный, аккуратный и без сколов. Держите.

И в руки сунул.

Зуб был ровным и аккуратным, но крепился к остаткам кости, из которой его выломало. И шматки мяса имелись.

– Хуже всего курганы. Это ведь не просто насыпь, а по сути своей – захоронение. Оро-чьи шаманы, великие вожди и прочие важные личности. Хоронили их часто не самих по себе, а со свитой, не особо, заметьте, согласия у последней спрашивая. А заодно закапывали всякие полезные вещи, которые, заметьте, почему-то часто оказывались проклятыми. Вот и получалось, что курганы эти пронизаны тёмной силой и недовольными душами. И то, и другое выплёскивается вовне, перерождая живой мир. Эльфы же пытаются процесс остановить, как умеют. У них на тёмную силу аллергия, если можно так выразиться. Вот...

А ведь зуб приличный такой. С локоть длиной. Ну, почти. От запястья до локтя точно будет. Может, на стену повесить? И всем врать, что драконий? Он ведь действительно похож. И в целом Трувор сомневался, что кто-то с виду способен отличить драконий зуб от зуба скальника.

– Вот у одного местного гения и родилась идея создать лошадь, которая не совсем лошадь.

Описание странное, но следовало признать, что лучше и не скажешь. С виду же лошадь, а что огнём дышит... ну, не стоит придираться к маленьким странностям.

– В теории она должна была быть выносливой, способной обходиться малым, то есть по сути всеядной, и сильной к тому же. Устойчивой к эманациям тьмы. Бесстрашной. И нюхливой.

– Какой-какой?

– Такой, чтоб нежить с нечистью за мили чуяла.

– И как?

– Чует. Вот только для всего этого тамошних лошадок пришлось с нечистью скрестить. А этого, как понимаете, тонкая эльфийская натура вынести не могла. Эксперимент признали неэтичным. Что они с экспериментатором сделали, того не знаю. Но вот со Скотиной затруднение вышло. С одной стороны, он не виноват, что таким уродился, и вообще живой, а эльфы берегут живое. С другой – с разведчиками он характером не сошёлся. У него тёмные эманации, у них светлые. Ну и разные представления о жизни тоже. Вот и назрел конфликт. Его к нам и переправили. Вроде как подарок... сестре. От матушки. У неё матушка из эльфов.

– А почему тогда у тебя оказался?

– Ну... он сожрал розы Киары, потом нагадил на клумбу с первоцветами, причём ладно бы навозом, но чем-то таким, ядрёным, там не то, что первоцветов, там камни, для красоты уложенные, поплавало. Потом в лабораторию забрался и сожрал три бутылки укрепляющего зелья. И всю ночь ржал матерные песни.

– Он ещё и разговаривает? – уточнил Трувор, подумав, что несколько не удивится, если и вправду конь разговаривает. Вряд ли это сильно сложнее, чем огнем дышать.

– Нет. Но поверьте, и без того было ясно, что песни матерные. Киара пыталась его догнать... в общем, он и другие клумбы вытоптал. Киара сильно разозлилась и пообещала утопить его в пруду.

Трувор поёжился.

Кажется, характер у его несостоявшейся невесты был под стать внешности – очень на любителя.

– А поскольку сил у неё хватает, то двор затянуло колючим тёрном. Корни его подрыли фундамент, стена треснула, а с ней и отстойник, в котором я держал парочку упырей.

– Зачем?

– Так... свежая слюна упыря много где используется, – на него посмотрели с удивлением, мол, как можно не знать вещей столь элементарных. – Я и отловил парочку, чтоб, если вдруг понадобится, не бегать по болотам за такой ерундой.

Звучало при всей нелепости довольно логично.

– А они вот вырвались. Скотина их догнал и запинаял обратно в клетку. Одного, правда, покусал, но это ж мелочи... в общем, тогда на семейном совете и было решено отдать лошадку мне. Правда, он не сразу согласился, но потом мы договорились. Я его подкармливаю силой и порой всяким вот. Кстати, надо будет хвост скальника подобрать. Он мясистый и надолго хватит. Скотине. А то он на одном овсе, конечно, может, но лучше бы мясо.

– Только... корми не при всех, ладно? Люди у нас суеверные...

Про способность дышать пламенем Патрик расскажет, но Трувор очень надеялся, что ему не поверят. Всё-таки выглядел Скотина и вправду конём, пусть и красивым.

А вот если его мясом кормить, причём нежити...

– Не вопрос. Скальника вообще и тут оставить можно. В крепости Скотине всё равно делать нечего, утром выпущу, пусть бегает, отъедается...

– А не боишься, что украдут?

– Его? – некромант фыркнул. – Ну, если вдруг, то пусть пробуют. Мне не жалко...

И вспомнив клубок белесого пламени, исторгнутого этой недолошадью, Трувор согласился, что таки да, пускай пробуют. Конокрадов, действительно, не жалко.

Паренек снова поднял что-то и сунул в карман. Потом покосился на Трувора и уточнил:

– Вам ведь не нужны подъязычные бородавки? Скальника?

Трувор подумал и снова согласился, что, конечно, в хозяйстве, вероятно, всё бы пригодилось, в том числе подъязычные бородавки скальника, но вот прям явной в них потребности он не испытывает.

– Отлично. Из них зелье одно приготовить можно.

– Хорошее?!

Дорога вела дальше. Шел некромант неспешно, да и в целом, если так-то, беседа складывалась.

– Лучше некуда! Останавливает выпадение шерсти у истинных оборотней. У них порой случаются сбои, особенно у молодых. Начинается как линька, только старая шерсть выпадает, а новая не растёт. Чаще всего пятнами, но бывают и особо тяжёлые случаи, когда почти полностью лысеют. Причём там уже даже не в сбоях дело, а в нервах. Представляете?

Трувор покачал головой.

Он, конечно, про оборотней слышал, но вот чтобы такое? Воображение нарисовало здорового, но напрочь лысого волка.

– Ещё мой отец это зелье варить начал. Сперва по заказу. У вожака тамошнего сын жениться собрался. А свадьба у них по традиции на полную луну играет. Там охота и прочие-разные другие развлечения. Вот. А у жениха от большого волнения шерсть полезла, прям ключьями. Он за неделю облысел, причём в обоих ипостасях. Невеста, как это увидала, испугалась. И вообще слухи пошли, что больной он. Парень весь в ужасе, семья тоже. Отец, даром, что здоровый зверь, тоже переживает, чешется, сам сыпаться начал. Мы тогда эти подъязычные бородавки неделю искали. Нашли. А матушка Анхен зелье сварила, так что оба шерстью заросли. Причём ведь, сказано им было, по три капли за раз. Но нет, показалось мало, утроили дозу...

– И?

А у некромантов жизнь, оказывается, интересна до крайности. Даже завидно как-то. Трувор вот оборотней и обыкновенных не встречал, что уж про лысых говорить.

– И заросли. Прямо так, что... даже не знаю, как описать. Видели когда-нибудь дамских собачек? Таких, ну, которые маленькие? Модные? Их ещё на ручках носят? Как шарики из шерсти, только с ножками?

– Видел, – сказал Трувор. – У моей матушки таких то ли пять, то ли семь... в общем, много.

И в каждом письме она почему-то подробно описывала, как они живут. А судя по рассказам, жили матушкины собачки куда лучше самого Трувора.

– Вот! – обрадовался некромант. – Значит, представите. Такая собачка, но... вот примерно...

Он руку поднял вровень с плечом.

– В холке если. И рыжая. То есть одна рыжая, а одна – в пятнышки.

– Почему?

– Ну... матушка Анхен сказала, что окрас проявился из-за магического воздействия. Но им понравилось. У них ведь чем пушистей, тем могучей. Плотность и густота шерсти как бы показатель здоровья и силы. Вот и получились нечеловеческой могучести...

– И здоровья?

– Ага. Причём Карлуша им ещё бальзам какой-то смешал, чтобы шерсть сияла. И волосы... они ж и в человеческом заросли-то так, что когда старший бороду в косу заплёл, то она толще, чем у Киары, получилась. После линьки полегчало слегка, но в целом эффект до сих пор держится. И главное, оборотни довольны невероятно. А заказов у матушки на годы вперед. Столько скальников нет, сколько желающих. Я эти железы вороном пошлю. Она порадует.

– Эм... – в голову пришла идея, которую, наверное, обстановка навеяла.

Тьма.

Скалы. Кладбище где-то там, вдали. И остатки здоровой нежити вокруг. От них исходил совершенно особый аромат, который нельзя было назвать приятным, но, смешиваясь со свежестью горного воздуха, общую картину он дополнял отлично.

– А это зелье, оно только на оборотней действует? – уточнил Трувор предварительно.

– Капли – для оборотней. Если, конечно, у вас нет задачи обволосить себя целиком. Но можно сделать мазь. Вы для того рыжего?

– Для отца, – смутившись, произнёс Трувор. – Он лысеть начал. И весьма переживает. Матушка написала, что стал парики носить. А под ними макушка преет и чешется. Поэтому, если возможно...

– Да не вопрос, – некромант перепрыгнул через камень. – Только адрес оставьте, я матушке Анхен напишу, она ему и вышлет. О, пришли. Люблю старые кладбища. Есть в них что-то такое, на диво успокаивающее...

Глава 9

Назидательная, разъясняющая, почему не стоит трогать экспонаты руками

*Хищник в предвкушении издал жуткий вой, от которого с перепугу
шуганулась целая стая голубей, чуть не сбив его с ног
О тяжёлом бытии мелких, но очень свирепых хищников*

Я и вправду любила старые кладбища.

Тихо на них.

И дело вовсе не в некромантической энергии, которая якобы настаивается со временем, пропитывая всё вокруг. Нет. На нормальном старом кладбище как раз никакой лишней энергии быть не должно.

Там покойно.

Мирно.

Безлюдно. Старые деревья, могилы, большая часть которых затянута травой. Узорчатое покрывало лишайника на надгробиях. И ощущение, что ещё немного и земля сотрёт остатки человеческого присутствия.

Здесь деревьев не было.

Скалы.

Снова скалы.

Одни поднимались стенами, прикрывая кладбище от ветров и лишних взглядов. Другие легли под ноги. Третьи, не без человеческой помощи, обрели форму крестов. Разных. Вдалеке виднелись массивные, один даже узорчатый, будто из кружева вылепленный. Правда, со временем кружево обветшало и частью осыпалось. По мере приближения ко входу кресты мельчали, а порой и вовсе исчезали, сменяясь грудками камней, будто кто-то пытался хоть как-то обозначить могилу. А на дальнем краю таким чёрным горбом, почти слившимся со скалой, виднелся склеп.

Интересно.

Очень даже интересно.

– А на планах его нет, – комендант подошёл сзади. – Кладбища, я имею в виду.

– И куда мертвецов отправляете?

– При мне ещё никто не умирал. Но если вдруг, то в город.

Ну да, пару часов туда, потом обратно.

– И что вы будете делать? – поинтересовался комендант, снова переходя на вежливое «вы».

– Для начала осмотрюсь, чтоб не было иных сюрпризов. Логово скальника опять же найти стоит.

Потому что эти твари, несмотря на размеры, ещё те сороки. И к себе тащат всё, что только найдут. А находят они разное, особенно на кладбищах. И не всё из найденного стоит людям показывать.

– Вы, может, всё-таки за солдатами сходите?

– Нет.

– Я справлюсь.

– Верю. Но нет.

– Почему?

– Потому что если вдруг не справитесь, а меня рядом не окажется, то у начальства возникнут вопросы. И не только у начальства.

Я пожала плечами.

– Я некромант. Если некромант не справляется с кладбищем, то тут вопросы должны возникнуть к этому некроманту.

– Вы в первую очередь подотчётный некромант.

С этой точки зрения я как-то о себе не думала.

– Ладно. Только под руку не лезьте, хорошо?

– Постараюсь.

А на небосвод выкатилась луна. Огромная, желтоватая, словно сливочным маслом натёртая, она повисла прямо над кладбищем. И свет её, такой вот зыбкий, выхватил тёмные очертания крестов. Он же подсветил узкие тропинки. Ну и склеп получилось разглядеть.

Массивный такой.

Сразу видно, что не для простого человека делали. Что ж, с него и начнём. Скальники – твари норные, в том смысле, что не любят открытых пространств. Так что склеп – самое оно для логова. И подойдя ближе, я поняла, что не ошиблась: створки дубовых и некогда роскошных дверей были вырваны с петлями и кусками стены, к которым эти петли крепились. Сами створки легли поверх ступеней, левая разбила голову довольно-таки уродливому каменному льву. Уцелевший, высотой до колена, пялился во тьму. Причём он был каким-то болезненно тощим, с вытянутой узкой мордой. Может, это не лев, а собака? На собаку, честно говоря, он больше похож.

– Погодите, – Трувор удержал меня и указал куда-то вверх. – Видите герб?

– Ага, – я поглядела. А что, чего б не поглядеть.

Эх, лунная ночь.

Кладбище.

Почти романтика. Тэра Урсула всенепременно нашла бы что сказать. Но к счастью тэры Урсулы тут не было. А вот герб имелся, пусть и слегка попорченный трещинами. Ящерка какая-то с завернутой к хвосту мордой. И ещё то ли дерево, то ли куст слева.

Ящерка знакомая. Эта, как её...

– Саламандра, – сказал комендант, избавив меня от мучительных попыток вспомнить, что там в геральдике я про ящерок читала. – Это саламандра и пылающий кипарис.

Ну, про кипарис я бы поспорила. Не похож совершенно. Хотя теперь понимаю, о чём он. Просто герб выбил явно кто-то из местных камнетёсов. Вот и получилось сходство отдалённым.

Примерно как у здешних львов с настоящими.

– Ат Доннах, – сказала я, покопавшись в памяти.

Всё же тэре Урсуле удалось вложить в неё основы геральдики, невзирая на моё активное сопротивление.

И тут же усомнилась.

У ат Доннах саламандра стоит на задних лапах, завернувши морду к хвосту, а в передних держит ту самую кипарисовую ветвь. Нет, я специалистом себя не считаю, но разница и вправду слишком велика.

– У них это иначе изображено.

Хотя... сколько лет этому склепу? Могла и ящерица на ноги встать, и морду завернуть. Или нет? Каэры вон не один век разменяли, а герб у нас тот же, что и у первого из рода. И за предложение изменить в нём хотя бы мелочь папенька бы сердце вырвал.

Ну... я добрее.

Я просто прибыю.

– Потому что это личный герб. И я знаю чей. Это склеп самого Рори ат Доннаха, – Трувор склонил голову. – Великого полководца. Я читал, что его сослали в крепость, но понятия не имел, что его здесь и похоронили... почему?

Он это у меня спрашивает?

Я решительно наступила на дверь. А дерево и вправду отменное, вон, не сгнило и даже не скрипнуло. Надо будет на место вернуть. И вообще порядок навести.

– Вы ведь... – комендант потянулся за мной.

– Тихо, – сказала я, принохиваясь. А вот внутри склепа скальником воняло, конечно, но не так, что глаза слезились. Твари в целом не отличаются чистоплотностью, а этот точно тянул бы сюда всё, что находил.

Интересно...

Значит, склеп ему не подошёл?

– Погодите, – тэр Трувор создал светляка. – Думаю, так будет удобнее? Если не помешает, конечно.

– Да нет.

Я обычно зрение меняла, но светляк – тоже вариант.

– Можете и поярче сделать, если, конечно, хотите.

– Сейчас, – тэр Трувор осмотрелся и вытащил из угла кованую рогатину с подставками под светляков. Точно. Такие ж раньше делали. – Подержите?

Я взяла. Увесистая. И конец заострённый, чтоб втыкать можно было. Когда в землю, а когда... ну, кладбища, они не всегда спокойные бывают.

Тэр Трувор, закрепив светляков, огляделся и произнёс.

– Вот так... удивительно.

– Что именно вас удивляет?

– Вы не слышали о Рори Северном Ветре? Действительно не слышали? Это ведь герой! Великий полководец! Генерал! Когда-то он лично возглавил атаку кавалерии на реке Немар. И врезавшись во фланг танерийской армии, смял его! А потом при прорыве под Таутвот? Вам отец не рассказывал? Тогда танерийцы впервые вывели в поле бронированных големов под прикрытием магов. И наши войска терпели поражение. Рори не только сумел остановить беспорядочное бегство пехоты, но и, собрав дюжину смельчаков, бросился к големам! Проломив защиту магов, он уничтожил нескольких, в том числе гранд-мастера. Ну и големов тоже. Что заставило танерийцев отступить, а нам дало время затянуть раны.

Говорил комендант с каким-то мальчишеским восторгом. И рогатиной водил вправо и влево. Огни светляков скользили по стенам. Надо сказать до отворачивания обыкновенным стенам.

– Он был сыном приграничного барона. Кстати, из здешних мест. Причём четвертым, кажется... тут биографы разнятся. Главное, что наследником Рори не являлся. Да и наследовать тут особо нечего. Он явился в столицу с тремя серебрушками в кармане и вот...

– Он лежит здесь, – отрезала я. – А скальник устроил в его склепе логово.

Ладно, не устроил. Внутри пованивало, но и только. Иных признаков присутствия твари я не заметила.

– Умеете вы... приземлять, – произнёс комендант с явной обидой.

Я пожала плечами. Не то чтобы усовестилась, скорее стало неудобно. В самом-то деле, человек вон восторгается и искренне. А тут я со своей прозой жизни.

Или смерти.

– Извините. Профессия накладывает отпечаток. Если этот Рори такой герой, то почему он здесь?

Героев хоронят с почестями. Да и род ат Доннах имеет собственный склеп, как и положено старому почтенному герцогскому роду. Так почему же великому герою не нашлось подходящего местечка.

– Не знаю. Он сам покинул столицу и двор. В книге было написано, что он до последнего вздоха служил Королю и стране, но и только.

И выслужил могилу на краю света.

– Хотя... конечно... – протянул тэр Трувор, поднимая рогатину выше.

– Что?

– По одной из версий, род его отца берет начало отсюда. Что его прапрапрадед был первым комендантом...

– Проклятым?

– Вот не надо слушать Патрика. У него все или проклятые, или в процессе, – отмахнулся тэр Трувор. – А вообще это лишь версия. И позднего времени. Она не подтверждена документально, и серьёзные историки считают её сказкой. Вообще, чем легендарней личность, тем больше о ней сочиняют.

Есть такой момент.

Склеп был не сказать, что огромен, но и не мал. Я коснулась стены. Света хватало, чтобы разглядеть её, уныло-серую, кое-как выглаженную, точно возводили склеп второпях. И никаких тебе мозаик, фресок или каменных изваяний. Нет, меня всегда удивляла эта странная манера украшать склепы изнутри. Кому там смотреть на картины со статуями?

Но ведь принято.

А тут вот пустота.

И пространство само гулкое, тёмное. Свет вязнет в этой рыхлой темноте, порой выхватывая обломки чего-то. Всё-таки статуи? Просто огромной? Не похоже. Да и не ставят статуй такого размера. Скорее это каменная глыбина, которую зачем-то затащили внутрь и оставили. Правда, подойдя ближе, я мнение изменила. Судя по размеру этого валуна, склеп возвели вокруг него. Но вот зачем воткнули клинок в боковину?

Я поглядела на коменданта.

Он на меня.

– Это... что? – спросил тэр Трувор. – Так надо?

– Я думала, вы мне скажете, что это и надо ли так.

– Ну... я как-то раньше в склепы не заглядывал. В других тоже такое есть?

– Нет. В других я такого не видел, – я коснулась камня. Тепловатый. И сила в нём чувствуется. И вряд ли идёт от камня. – А клинок непростой...

О! Табличка!

В камень её влили и так, что медные края слегка потекли. Сама табличка успела покрыться зеленью, но текст всё-таки читался.

– За сим правом, что даровано мне Всевышним, оставляю клинок свой и благословение истинному потомку своей крови, буде явится он. А прочие же, взявшие без чести имя моё, пусть катятся в бездну.

Кратенько.

Умел человек выражаться доходчиво.

– Это как понять? – поинтересовалась я и клинок потрогала. Тёпленький. Очень. И главное, сила в нём заперта прелюбопытная. Знакомая. Не родная, нет, но близкая по сути. Зато понятно, почему кроме запаха иных следов нежити нет. Эта сила явно была неприятна нежити. Вот скальник и наведывался время от времени, то ли с проверкой, то ли с надеждой, что та иссякла. И двери запахом метил, и стены у входа, но дальше заходить не рисковал.

Ну да, склеп – штука такая.

Многим нужен.

– У Рори Северного ветра было трое сыновей, – медленно произнёс тэр Трувор. – Государь щедро наградил его за подвиги. Одарил и землями, и богатством. Приблизил к себе и женил на герцогине ат Доннах. Она оставалась последней из рода. Тогда-то титул и отошёл к Рори. Он много воевал и потом, после. И нет ни одной битвы, которую он бы проиграл...

Одна была.

Вот та, эхо которой обернулось глыбой гранита.

Герцогиня, полагаю, не слишком впечатлилась подвигами и наставила великому полководцу рога. Причём трижды. Выплыло это, полагаю, не сразу. Когда же выплыло, то мужик терпеть не стал и отбыл на край мира, где и скончался, скрутив напоследок якобы сыновьям большую фигу.

Или не очень большую. Род ат Доннах и ныне здравствует, в отличие от самого Рори.

– Если всё так, то понятно... – он провёл ладонью по камню. – Мне всегда казалось, что его останки лежат в семейной гробнице. Род ат Доннах гордится славой предка...

Который предком не был.

Тоже случается.

– А на самом деле он тут, значит... остался. И перенести останки они не смогли.

Я думаю.

Чуется, эту глыбину так просто не сковырнёшь. А уж с заклатьем, которое наверх бросили, и вся коллегия магов не справится.

Феи, они чаровать умеют.

– И меч не достали. Поэтому о нём больше никто и не упоминал, – руки коменданта потянулись к мечу. – Это ведь не просто меч, если я правильно понимаю... это Дух Зари.

Заря там или нет, но то, что меч непростой, было издали ясно. А тут ещё и светиться начал. Та часть клинка, что из камня выглядывала.

Синеватеньким.

И ярко так.

– Когда Рори был молод, он встретил фею...

– Сочувствую, – сказала я искренне. Потому что встречать фей лучше в сказках. Там они добрые, мудрые и милосердные. Нет, они и на деле такие, только вот доброта с мудростью у них собственные, а милосердие в фейском понимании вообще до крайности своеобразная вещь.

– Он спас её из плена. А она отплатила ему любовью. Когда же пришла пора расставаться, потому что ни одна фея не может остаться со смертным надолго...

Скучает.

А со скуки начинает развлекать себя. И благо, матушка моя эту свою особенность знала. И мне объяснила, что она меня, конечно, любит, но для всех, в том числе меня самой, будет лучше, если это будет любовь на расстоянии.

– Она вручила ему клинок, способный разрубить и сталь, и камень, и чары... он разрушит любые... в той атаке големов прикрывал танерийский гранд-мастер. Он создал огненную стену, которая должна была бы испепелить наглецов, но Рори взмахом меча рассёк её... как думаешь, если я прикоснусь...

– Думаю, он не обидится.

Потому как, чую, упокоился Рори надёжно, иначе бы уже вышел или послушать, или внести в рассказ правки.

– Да, пожалуй, – комендант всё же не решался, хотя и не мог отвести взгляда. – Этот клинок всегда был с ним. Даже при дворе. Ему даровали особое высочайшее разрешение. Говорят, что за этот меч Рори многое предлагали.

Я думаю.

Полезная же штука. А он её в камень воткнул.

– И земли, и деньги... как-то даже вес самого Рори, правда, версии расходятся, в золоте или бриллиантах. Но он отказывал. А когда клинок попытались украсть, тот сам покарал наглецов. По легенде Дух Зари признавал лишь одну руку – хозяина.

Фейская магия, она и не на такое способна.

Ладонь коменданта нежно коснулась рукояти, и клинок издал печальный звон. А синий свет стал ярче. Ему, чую, надоело торчать во тьме и тишине.

– А в этих легендах или книгах твоих не сказано, куда он делся?

– По одной из версий к умирающему Рори явилась фея, и он вернул ей подарок.

Это вряд ли. Если феи дарят, то от души. Захочешь – не вернёшь.

– По другой – клинок выкупила корона, однако совладать с ним не смогла, поэтому спрятали в сокровищнице. На самом деле этой истории полторы сотни лет, так что про него немногие помнят сейчас.

– Но вы помните?

– В детстве я любил читать.

– Не любовные романы, надеюсь?

– Что? – комендант обернулся. – Нет, конечно. Что за странное предположение? Я читал жизнеописания великих полководцев. Мой гувернер полагал, что это полезно. А поскольку вторым вариантом были жизнеописания святых, то, как понимаете...

Тэр Трувор выбрал полководцев и увлёкся.

И запомнил.

И теперь вот стоял в склепе, склонив голову перед тенью забытого героя. И я склонила, ибо кто, как не некромант, знает, что мертвецы, даже ушедшие, достойны уважения.

– Зато теперь понятно, – молчание начало напрягать.

– Что понятно? – комендант скользнул пальцем по рукояти. И меч вновь запел, на этот раз зло, требовательно.

– Зачем валун. Наверняка, он понимал, что наследники попытаются завладеть мечом. Вот и озаботился. Не удивлюсь, если эта глыбина уходит в скальное основание, и выковырять её получится разве что с половиной горы.

А может и с половиной не выйдет. Феи – они ещё те затейницы...

– Ваша правда... отличный вариант, если так подумать. Чтоб...

Я не увидела, как палец соскользнул с клинка. Хотя допускаю, что сам клинок, устав ждать, когда же люди сообразят, что ему надо, повернулся и рассёк руку. Кровь выступила сразу и выкатилась на металл.

И расплылась по нему, чтобы впитаться.

– Вот же, – тэр Трувор сунул палец в рот, потом сообразил, наверное, что это недостойно – тэра Урсула очень огорчилась, когда мы свои раны в рот совали – и вытащил. – Острый, однако...

И зачарованный.

Зачарованное оружие – это ещё та зараза. Никогда не знаешь, что у него там на уме. Я хотела сказать, но раздался сухой протяжный треск.

– Что...

И трещина расщелила каменную глыбу, выпустив облако сине-серебристого света, которое окутало тэра Трувора. А коварный Дух Зари, пользуясь растерянностью, выпал прямо в руки коменданта. И лёг, зараза этакая, аккуратненько, сияющей полосой, на которой проступили тёмные руны, подозреваю, исключительно для красоты и сотворённые.

– Это... это как понимать? – комендант посмотрел на меч.

На меня.

На трещину.

Пыльца в воздухе медленно таяла, не оставляя иных толкований. Феи. Вот... куда нам ж без фей?

Глава 10

Пара слов о любящей родне и девочках

*На троне сидел А., полуголый и окровавленный, но неудержимо великий. Величественный своей внутренней силой, что буквально изливалось из него, светилась аура величия
О поддержании правильного образа величия в глазах подданных*

– Как-то давно их нет, – Киара нервно расхаживал перед лестницей. Быстро. Широко. Резко останавливаясь у самой статуи, чтобы развернуться и двинуться в противоположную сторону. Юбки развевались, порой даже поднимаясь, и тогда становились видны грубоватые ботинки.

– Всего-то два часа прошло, – матушка Нова сменила наряд на другой, тоже мужской, но попроще. И вышла на крыльцо.

Наверняка по какой-то своей надобности.

Может, на розы посмотреть.

Может, на горизонт, который оставался чист и пуст, чем и нервировал.

– Надо было пойти с ними.

– И как бы ты это объяснила, дорогая?

– Не знаю, – Киара взлетел на ступеньки и поморщился. Нога давала о себе знать.

А с ней и беспокойство.

Поэтому он осмотрелся и, заметив коноплянку, что спряталась в зарослях, коротко свистнул. Птаха выпорхнула и, опустившись на плечо, засвистела. Нет, коноплянка – это не то. Птичка, конечно, юркая, но крылышки малы, да и голова тоже. В ней больше одной мысли за раз не удерживается.

Вот и сейчас, начав жаловаться на жизнь – суетно, бестолково – она резко замолчала и переключилась на пролетающую мимо мошку. Коноплянка сорвалась в полёт и, подхватив мошку, снова исчезла в кустах. Да уж, совершенно бестолковая.

Ворона бы...

Но в доме остались только мёртвые.

Ворону?

Сороку на худой конец!

– Никогда не верила в эти глупости с предчувствиями, – матушка Нова проводила птичку взглядом. – А теперь и самой как-то беспокойно. Главное, я ведь всерьёз думала, что мне мерещится... кстати, кабанчика видела. Соседского. Но смотрел явно не он. И...

Она щёлкнула пальцами, высекая искру.

– Явно не с добром. Надо было сжечь эти заросли к лешему!

– Во-первых, деревья не виноваты, что в них кто-то прячется, – Киара заставил себя выдохнуть. Вот в самом деле, чего он разволновался.

Чужой же человек.

Посторонний.

И второй не ближе. А он о братьях так не переживал. И не переживает. С другой стороны, братья, пусть и с придурью, но куда сильнее этих двоих. Их так просто не убить.

А гвардейцы, они же обычные.

И вообще...

– Во-вторых...

– Во-вторых, – спокойный голос матушки Анхен сбил с мысли. – В этих кустах мог оказаться какой-нибудь твой давний поклонник, дорогая, томимый ревностью. А сжигать поклонников – это чересчур.

Матушка Нова фыркнула.

– Скажешь тоже...

– Скажу. Или думаешь, я не замечаю, сколько писем тебе приходит.

Матушка Нова скривилась.

– Это не поклонники. Это женихи.

– Женихи? – Киара обернулся. – Матушка, а у вас есть женихи?!

Новость была несколько неожиданной. Одно дело герцог, который к матушке Анхен навещается. К нему Киара так-то привык. Вообще свой человек, если подумать.

А тут какие-то женихи неизвестные.

– А то как же. Кузен Рави, двоюродный брат второго мужа моей матери. Сорока двухлетний юноша, полный сил, милая матушка которого готова закрыть глаза на некоторые мои недостатки в обмен на передачу моей вдовьей доли её сыну, – матушка Нова загнула палец. – Ливай Морен, достопочтенный вдовец и владелец собственной лавки, всего лишь на тридцать три года меня старше. Помимо лавки у него пятеро детей, но он надеется, что я не настолько стара и рожу ещё парочку. Можно больше. Ещё есть Сааби Мор, но тут уж мои тётушки выступают против. Считают, что ему можно подыскать невесту получше.

– Лучше, чем ты? – удивился Киара, почти позабыв о беспокойстве.

– Конечно. Невинную девочку из приличной семьи, которая не запятнала себя браком с иноверцем и, тем паче, некромантом, – матушка Нова нервно постучала веером по ладони. – Нет, Ани, это не поклонники. И в кустах тоже не поклонник сидел. Нет у меня поклонников.

– Не было, – поправила матушка Анхен. – До недавнего времени. И успокойтесь. Живы ваши гвардейцы. Хотя, кажется, наше вмешательство не прошло бесследно.

– Мам?

– Я кинула небольшой заговор, – она не выглядела виноватой, да и не считала себя таковой. – Подумалось вот, что если вдруг что-то случится, нам нужно будет как-то их найти и вообще...

Она разжала пальцы, и Киара увидел два зернышка.

– Подкинула в карман, – он улыбнулся. – Как нам когда-то...

– Вы тоже вечно норовили куда-то сбежать и потеряться.

– Я не терялась! Не хватало...

Чтоб эльф, пусть и полукровка, в лесу заплутал.

– Ты – нет, не терялась. Но кто провалился в волчью яму?

– Там волк был!

– На него и ставили. А вот эльфов охотники встретить не ожидали, – матушка улыбнулась.

– И не только эльфов. Братья тогда со мной пошли, – поправил её Киара.

И пошли.

И нашли яму, а в ней волка. И вытаскивали вместе. Пытались. И провалились тоже вместе. А потом вместе и сидели до самой ночи, пока не пришёл отец.

Киара потёр задницу, которая тоже откликнулась на воспоминания, и проворчал.

– И это не охотники были, а браконьеры! Волки, между прочим, полезные! И стоя та на наших землях давно жила! И никого не трогала! Я им ещё когда объяснил, что людей трогать нельзя... а эти вот...

– Тише, – на плечо легла тёплая матушкина рука. – Мы с вашим отцом тогда перепугались.

– Да уж, – матушка Нова поёжилась. – Я забыла, признаться, каким он может быть... злым.

Зернышки лежали на ладони, только одно почему-то оставалось обычным, а второе проклюнулось, причём росток был совершенно точно не пшеницы.

– Это... – Киара протянул руку, и матушка Анхен осторожно переложила росток.

– Проклятье крепко его зацепило.

Жирный белый корень завиточком, а с другой стороны петелька стебля с парой листьев, пока склеенных друг с другом и семенем. Но уже видно, что стебель толстый, а листочки, даже не развернувшиеся, покрыты сероватым нежным пушком.

– Оборотная трава? – Киара поднял ладонь. – Он... оборотень?

– Думаю, его организм пытался восстановиться. И использовал все доступные ему возможности... не переживай, если он жив, то оборот прошёл нормально. А значит, и обратно вернём. Зелье сварить несложно.

– А как тогда... он же почует, что я не девица.

Одно дело платья, а вот запах – совсем иное. Тут не спрячешь.

– Не почует, – матушка Анхен протянула флакон.

– Что это?

– Духи. Помнишь, Карлу прислали...

– О нет!

– Да. Я немного изменила состав...

– И они не будут вонять? – Киара не спешил брать флакон.

– Обязательно будут. И так, что другие запахи перекроет полностью. Но в целом получилось немного смягчить, так что...

– Вонять будет не столь интенсивно? – догадалась матушка Нова.

– Именно. Скажешь, что это новый аромат. Модный. Столичный.

Что было абсолютной истиной. Но легче не становилось.

– А может, просто... правду расскажем? – Киара поднял флакон.

– Обязательно расскажем. Но немного позже. Траву сам высадишь? – матушка Анхен указала на росток, который стал чуть больше.

– Сам!

Вот только куда? Место нужно особое, чтобы точно принялась. Редкая ведь. Как бы не реже лотоса, потому что рождается вместе с новым оборотнем. Память земли, память силы... уже к утру станет обычным ростком пшеницы, так и будет жить, скрывая истинное обличье, разве что на полную луну, когда ночная хозяйка силу обретет, скинет маску.

– В теплице попробуй. Там у меня горсточка заговорённой земли есть, в красном глиняном горшке. Высыплешь в ямку, – матушка не мешала, улыбалась только. – На первое время хватит. А там попросишь пару клочков шерсти, крови...

Верно.

В трактате писали, что ей нужна кровь того оборотня, сила которого и изменила семя. Согласится ли Даглас? Должен... можно будет предложить взамен... что предложить?

Эликсир.

Из оборотной травы варят оборотное зелье, которое помогает молодым оборотням обуздать зверя. Да и разум способно вернуть. Или его же лишить.

Зависит от того, кто пьёт.

И сколько.

Киара сложил руки лодочкой. Семя было живым, и тонкий корешок вытягивался, шевелясь, жадно нащупывая опору.

– Сейчас, – сказал он. – Пойдём, я тебя куда-нибудь пристрою.

Киара быстрым шагом направился к оранжерее. Да, в первой теплице есть подходящий уголок. Может, в горшок всё же? Или нет? Зачарованные травы крайне не любят пересадки, поэтому лучше сразу в землю...

– Так надоели? – тихо спросила Анхен, кутаясь в шаль.

– Не представляешь даже, насколько, – Нова вздохнула. – Знаешь... как-то... я ведь и вправду начала думать, что я какая-то не такая. Старая. Глупая. Порченная. Недостойная чьего-то внимания, чтобы настоящего.

– Чушь какая...

– Ну да... но эти вот письма. Они ж такие... заботливые. Все до одного. И я знаю, что они обо мне беспокоятся. Причём искренне. Совершенно искренне. И что кандидатуры перебирают не потому, что ищут похуже, нет. Они боятся.

– Чего?

– Того, что повзрослевшие дети осознают, кто я. Точнее, что я им никто. И выставят из дому. И что останусь я на старости лет одна-одинёшенька, никому не нужная. И приеду к ним, коротать свой век.

Анхен фыркнула.

И снова.

И расхохоталась, не способная сдержаться.

– Смешно? – проворчала Нова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.